Е 43 — 705

Признание России и политика Коминтерна.

363

Г. ЗИНОВЬЕВ

ПРИЗНАНИЕ РОССИИ И ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО
ПРИБОЙ
ЛЕНИНГРАД — 1924

Y0430/16°

1-й экз. с. фонда

Е43 — 705
X
327 (47) : 327.32

Г. ЗИНОВЬЕВ

ПРИЗНАНИЕ РОССИИ И ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес
Инв. № 0430/16
С. 90. 1365

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ» Ленинград 1924

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 40430 г.М

Ленинградский гублит № 1637. Тираж 10.000.

Государ. типография имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

Признание России и политика Коминтерна.

Мой доклад будет состоять из двух частей. Первая его часть посвящена вопросам международной политики, а вторая часть — политике Коминтерна. И в той, и в другой области я могу затронуть лишь самое важное. Но и в той, и в другой области как раз сейчас мы стоим перед некоторыми решениями такого характера, которые предопределят на довольно длительное будущее политику нашей партии.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

О признании России де-юре.

В области международной политики мы стоим сейчас перед началом новой полосы. В настоящий момент вполне возможно, что мы получим признание де-юре в 4-х государствах: в Англии, во Франции, в Италии и в Норвегии. Разумется, это только возможность. Никто не может дать гарантии, что это наступит непременно и притом в ближайшее время. Но для нашей ориентации необходимо ясно видеть, что в настоящий момент как бы начинается новая полоса в этой области.

Вопрос о признании или непризнании Советской России де-юре является сейчас, пожалуй, самым боевым вопросом международной политики. Чехо-словацкий министр Бенеш в своей новогодней речи сказал, что 1924 год ознаменуется признанием Советской России де-юре. Разумеется, не все новогодние предсказания министров оправдываются, но есть серьезные основания ожидать, что это предсказание оправдается, и Бенеш

[1] Доклад на XII Конференции РКП (б).

окажется пророком. Центральным пунктом международной политики является сейчас, повторяю, вопрос о признании или непризнании нас де-юре. Но в этот вопрос, естественно, врезалась наша партийная дискуссия. Как всегда бывало, когда наступают какие-нибудь затруднения для нашей партии, международная буржуазия пытается их использовать, раздуть, преувеличить. И сейчас мы видим то же самое. В Западной Европе и Америке, в связи с нашей дискуссией, особенно в самые последние дни, начали создаваться форменные легенды того типа, который нам известен с самого начала существования Советской власти. Я на всякий случай, товарищи, сообщу вам важнейшие факты из этой области, т. к. едва ли кто-либо из вас представляет себе, до чего здесь дошло дело. Сегодня мы получили не от врагов наших, а от друзей в Коминтерн сообщение следующего характера: венская «Neue Freie Presse» приводит в номере таком-то следующую телеграмму: «Согласно парижского телеграфного сообщения, там распространился слух, что Троцкий арестован. Другая версия: Троцкий укрепился в бронированном поезде, Буденный занял пока выжидательную позицию» (Смех). Такие сведения распространяет не только бульварная печать, но и вся так называемая серьезная буржуазная пресса. «Morning Post» сообщает, что Троцкий вышел из Политбюро, а в кругах американских журналистов «более осведомленные» говорят, что Троцкий арестован. Т. Крестинский, один из наших представителей за границей, в своем дневнике, который он ведет, сообщает от 8-го января следующее: «Осада по делам партийной дискуссии усилилась, повалили немцы, бельгийцы и австрийцы. Немецкие «спецы» по иностранным делам все заинтересовались вопросом, не окончится ли дискуссия в Москве в виду ее небывалой страстности, событиями вроде июльских событий 1918 г.». Такой-то, имя рек, тоже «спец» по советским делам, понимал «демократизацию в общебуржуазном смысле». Вот еще штрих: «С легкой руки агентства «Ост-Экспресс» была пущена сенсация, что среди вождей оппозиции находится Н. Н. Крестинский. Новая осада. Все желают видеть «протестанта-посла» (Смех). На указания, что, ведь, и в Америке, и

в Европе министры и послы имеют свое внутрипартийное мнение, отвечали: да, но в Советской России ЦК есть правительство, «даже Зиновьев во время дискуссии говорил-де открыто о том, что правительство—это ЦК». В Америке считают, что распря среди русских коммунистов будет иметь серьезные последствия для движения вправо».

Нечего уже говорить о том, что зарубежная белогвардейско-эс-эровская печать, разумеется, трубит в ту же дудку. Эс-эры, издающие в Берлине газету «Дни», пишут буквально: «России нужен нэп политический, а дать его ни себе, ни тем более стране не может и не смеет РКП. В этом и только в этом общий интерес и показательный смысл громкой победы ленинской старой гвардии над пророками внутрипартийной демократии». И, обращаясь к русскому обывателю, они говорят, что «пока обыватель не заговорит, пока он, наконец, не потребует себе «рабочей демократии», до тех пор никакая дискуссия таких-то с такими-то ни к чему не приведет». Представитель румынского правительства на недавно закончившейся конференции Малой Антанты заявил официально, что «в настоящий момент нет оснований торопиться с признанием Советской России, так как кризис, переживаемый Российской Коммунистической партией, несомненно чреват громадными событиями».

Таким образом, два вопроса сейчас сплелись. Нет никакого сомнения в том, что острота дискуссии, по крайней мере, на некоторое время, пока эти господа не убедятся в том, что действительно у нас происходит, ослабляет наши шансы на международной арене. Вообще, за такую дискуссию, конечно, мы должны заплатить довольно дорогой ценой; «издержки производства» тут были немалые. И в число издержек производства входит и то, что, быть может, произойдет некоторое замедление в вопросе о признании нас де-юре.

Положение в Англии.

Правда, если в английской печати так много уделяют внимания нашим раздорам, мы могли бы им посоветовать заниматься больше своими собственными делами.

Вот сейчас у них, говорят, происходят свои «фракционные» заседания, борьба между различными лордами: Асквитом, лордом Керзоном, Ллойд Джорджем и т. д. Неизвестно, как разрешится этот кризис. Я думаю, товарищи, что наш «лорд» Сапронов нам все-таки не столь страшен. Мы после постановления партии с ним помиримся, он подчинится решению партии. Но факт остается фактом: международная буржуазия подслушивает у дверей, как правильно выразился один товарищ в своей статье, она подслушивает у наших дверей в надежде на то, что сейчас внутренняя борьба в нашей партии поможет ей отвильнуть от того, от чего отвильнуть, казалось, больше нельзя: от признания того строя де-юре, который существует де-факто уже 7-ой год.

Наш ЦК прав, когда он считает, что в настоящий момент нам нужно особенно осторожно и тщательно взвешивать свои решения в сфере международной политики, имея в виду, что в общем и целом мы пришли к началу нового этапа.

Обстановка меняется. В самом деле, возьмем важнейшие страны Запада. Возьмите, в первую очередь, Англию. Нет еще года, как лорд Керзон поставил-было под вопрос всю нашу передышку своим знаменитым ультиматумом, всколыхнувшим тогда до дна всю нашу трудящуюся Россию. Сравните положение вещей в Англии, каким оно было в момент ультиматума Керзона, с тем, каким оно является сейчас. Керзон уже одной ногой вне правительства. Формальности затягиваются, парламент только-что открылся. Во всяком случае, совершенно ясно уже, что положение Керзона не так уж прочно. Положение тов. Чичерина много прочнее (Апл.). Это всякий видит. Тов. Чичерин может ожидать открытия Союзного с'езда Советов с гораздо большим спокойствием, чем Керзон ждал открытия сессии парламента, созванной им (Апл.).

Положение изменилось в корне. Весь политический мир считает, что в Англии мы идем к правительству Макдональда. Сказать это наверняка в настоящий момент все-таки еще нельзя. Если не обманут все признаки, Макдональд в ближайшее время придет к власти.

В настоящее время нам, как политикам, приходится исходить более всего из этой перспективы, и нашей конференции приходится оценивать ее. В последнем сообщении тов. Раковского — он пишет и, по-моему, совершенно правильно: «главное, чего нам нужно остерегаться в настоящий момент,—это переоценки возможностей». Действительно, нам незачем впадать в излишний оптимизм в связи с возможным приходом к власти Рабочей партии и ее лидера Макдональда. Мы уже видели Второй Интернационал у власти. Мы видели правительства Шейдемана—Гаазе, возникшие как-никак не из парламентской победы, а из революции. Мы недавно видели пример Брантинга, который был шведским премьером. Он тоже является одним из столпов II Интернационала. А мы видели, что его политика ничем не была лучше, чем политика любого буржуазного правительства. Нам, поэтому, нет основания переоценивать возможностей в связи с правительством Макдональда.

Однако, товарищи, если это правительство станет фактом, это все-таки будет событием мировой важности. Нам нужно расценивать возможное правительство Макдональда под двумя углами зрения: с точки зрения международного рабочего движения и с точки зрения непосредственных интересов Советской России. С точки зрения развития международного рабочего движения и международной революции, что такое будет представлять собою правительство Макдональда? Поскольку дело идет о верхах, о парламентских политиканах, это не бог весть какое событие. Но поскольку дело идет о массовом движении рабочего класса, это будет событием величайшей важности. Вы все помните, как на 2-м конгрессе Коминтерна тов. Ленин советовал молодой английской коммунистической партии поддерживать меньшевистскую английскую Рабочую партию, голосовать за нее, помочь ей скорее прийти к власти. И вы помните, как тов. Ленин тогда откровенно раз'яснял (нельзя никакого секрета сделать из этого), что мы будем поддерживать меньшевистскую Рабочую партию в Англии, партию Макдональда, так, как веревка «поддерживает» повешенного. Он говорил прямо, что чем скорее они придут к власти, тем скорее они должны будут пока-

зать себя рабочему классу, тем скорее они обанкротятся, тем скорее иллюзии английского рабочего класса будут рассеяны, тем скорее будет расчищена дорога для пролетарской революции.

Этот момент теперь наступает. Это есть событие крупнейшей важности. Английский рабочий класс в глубинах своих воспринимает приход к власти Макдональда не просто как приход к власти того или другого парламентария, а как приход к власти рабочего класса, трудящегося человека. Рядовой английский рабочий видит в этом исторический реванш рабочих, он верит, что если у власти станет Рабочая партия, то не будет безработицы, будет нажим на роскошь, на богачей. Другими словами, английские рядовые рабочие тут рассуждают на основании своего классового инстинкта, классового чутья. Это, товарищи, факт великой исторической важности. Мы все изучали судьбы рабочего класса в Англии, знакомились с его положением из известного сочинения Энгельса. Через эту призму мы изучали движение чартизма. Из классических произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, который был некогда революционером, мы знакомились с характером английской рабочей аристократии, которая превращает английское рабочее движение в контр-революционный фактор. Сейчас в Англии рабочее движение входит, на наш взгляд, в новую фазу. Рабочая аристократия в Англии попрежнему является контр-революционным фактором. Макдональд—типичный представитель верхушки рабочего класса, т.-е. рабочей аристократии. Тем не менее, приход меньшевистской рабочей партии к власти в такой стране, как Англия, есть факт всемирно-исторической важности. Это не Эстония, не Болгария, даже не Германия, это—Англия, независимо от того, что будет разыгрываться потом как трагикомедия, независимо от того, что Макдональд, несомненно, будет ползать на четвереньках перед крупной английской буржуазией,—это событие большое. Повторяю: надо принять во внимание, что это событие происходит не в Эстонии, не в Польше, не в Болгарии, даже не в Германии, а в Англии,—в той стране, буржуазия которой действительно владеет шестой частью

мира,—примерно такой же территорией, как мы. Английская буржуазия — богатейшая буржуазия мира. И если она считает себя вынужденной передать мандат на управление Англией как-никак «рабочей» партии,—это имеет большое значение. Конечно, английская буржуазия делает это не без задней мысли. Там есть своя группа политиков, которая подталкивает Макдональда к власти, имея свою перспективу, что чем раньше ты придешь к власти, тем раньше тебя слопают. Но все-таки такая буржуазия, как английская, «не от хорошей жизни» делает такой опыт, не от хорошей жизни передает власть в такой стране, как Англия, в руки, пусть хотя бы и меньшевистской, но все же рабочей партии. В этом смысле приход к власти Макдональда есть крупнейший этап в международном рабочем движении, крупнейший этап в деле освобождения английского рабочего класса от конституционных иллюзий, крупнейший шаг вперед по пути международной революции.

Со второй точки зрения, с точки зрения непосредственных интересов Советской России, это тоже есть, разумеется, очень важное событие. Мы не знаем, сдержит ли Макдональд свое слово о признании де-юре Советской России без дальнейших рассуждений и без каких бы то ни было прелиминарных условий. Гадать об этом трудно. Я думаю, следует сказать: когда имеешь дело с представителем II-го Интернационала, с членами меньшевистской партии, — готовься к худшему, и тогда ты будешь ближе к истине.

Но как складывается положение сейчас? При нынешнем настроении английского рабочего класса есть серьезная надежда, что правительство Макдональда должно будет признать нас де-юре.

Положение во Франции.

В связи с признанием нас Англией вопрос об этом стал и во Франции. Вы все знаете, что англо-французское соревнование, т.-е. соревнование между английской и французской буржуазией, является фактом, определяю-

щим в значительной степени всю политическую ситуацию Европы в данный момент.

Мы видим сейчас и со стороны пуанкаристской Франции попытки к сближению с Советской Россией. Вы все читали знаменитую статью Эберта, недавно появившуюся в официозе французского правительства, статью, намекающую, что они не прочь договориться с нами. Французская печать с полной ясностью дает понять, что французское правительство через чехо-словацкого премьера Бенеша имеет предложить нашему правительству ведение переговоров. Как видно из печати, французское правительство интересуется тем, согласны ли мы признать довоенные долги и как относимся мы к вопросу о признании международных договоров.

Конечно, мы не примем любезного посредничества Бенеша, если оно будет предложено. Мы, конечно, будем благодарить за посредничество, но считаем, что разговор должен итти без этого посредничества, ибо посредник будет думать не о нас, а о себе. Если нам будут поставлены предварительные вопросы, мы будем говорить о них в процессе переговоров. Я не думаю, что нам удастся сговориться с нынешним французским правительством. Я думаю, что французской буржуазии, если она хочет с нами серьезно разговаривать, не мешает подыскать себе более подходящего для этого премьера, чем господин Пуанкаре. Что побудило Пуанкаре к мысли о переговорах с нами? С одной стороны, исход выборов в Англии, намечающееся признание Англией Советской России, а с другой стороны, и это главное, приближающиеся выборы в самой Франции.

Кто бывал во Франции, тот знает, что такое Франция накануне выборов. Страна совершенно преображается. Все партии перекрашиваются, все повально становятся «социалистами», все обещают крестьянам и рабочим что угодно, а многие и кое-что сверх того, все партии лихорадочно ищут наиболее популярного, наиболее зажигательного лозунга, который может дать голоса на выборах. Несомненно, теперь таким популярным лозунгом во Франции становится лозунг возобновления сношений с Советской Россией, лозунг сближения с Советской Россией. Вот почему даже Пуанкаре,

который, как вы знаете, горячо нас любит и пользуется такой же любовью с нашей стороны (аплодисменты), воспылал еще большей любовью к нам и через Бенеша намерен предложить сближение с нами. Нет сомнения в том, насколько можно предвидеть ход событий, что выборы во Франции, которые уже недалеки, приведут к передвижке сил внутри буржуазного лагеря, как это произошло уже в Англии. Во Франции к власти еще не придет меньшевизм. Но то крыло буржуазии, которое представлено высокими гостями, посещавшими нас от имени французской буржуазии, и которое держится другой ориентации, нежели Пуанкаре,—они идут к власти.

Италия и Норвегия.

В Италии Муссолини тоже не прочь нас признать. Здесь есть отраженное влияние поворота Англии и еще больше—поворота со стороны Франции. Так же, как нынешнее сравнительное миролюбие польской буржуазии тоже есть не что иное, как отраженное влияние поворота их хозяев в Англии и во Франции.

В Норвегии, которая находится под сильным влиянием Англии, мы тоже видим поворот, который позволяет надеяться на близкое завершение переговоров. Вы видите значительное улучшение международного положения нашей страны, которое ставит перед нами ребром целый ряд вопросов о том, как мы будем теперь маневрировать по отношению к международной буржуазии. При этой изменившейся обстановке, которая означает, что начинается новая глава в нашей международной политике, нужно держать ухо востро. Я не могу скрыть от вас, что по этой линии, как и по коминтерновской линии, мы имеем серьезнейшие расхождения с товарищами из той же самой «оппозиции»—разногласия, которые бросают свет на вопрос о сущности всех наших разногласий с ними вообще. Раз международная буржуазия—английская, французская, итальянская и пр.—обнаруживает желание пойти на некоторое сближение с нами, возникает вопрос о том, не

должны ли мы, в связи с этим, обнаружить со своей стороны большую уступчивость, чем это было в последний раз, когда мы сходились со всей международной буржуазией во время конференции в Генуе. Некоторые товарищи, в том числе т. Радек, полагают, что этот момент наступил, что мы должны пересмотреть генуэзские условия в сторону больших уступок международной буржуазии для того, чтобы получить не столько признание «де-юре», которое его мало интересует, сколько возможность деловых сношений. Это такое предложение, над которым мы должны задуматься. Мы в Политбюро и в ЦК партии держимся того мнения, что у нас нет и теперь никаких оснований итти на большие уступки международной буржуазии. Наоборот, мы считаем, что наступило время напомнить международной буржуазии то, что говорил Владимир Ильич от имени всего правительства после Генуэзской конференции. Он говорил, обращаясь к международной буржуазии: чем позже вы пойдете на соглашение с нами, тем худшие условия вы получите, тем меньше мы уступим вам. Мы думаем, что наступил момент подтвердить это. Чем больше они тянули, тем больше мы окрепли и, разумеется, мы будем сейчас разговаривать с ними еще гораздо тверже, чем мы разговаривали с ними в Генуе.

Вопрос о размерах уступок.

Вы слышали речь т. Красина вчера. Признаюсь, я не без некоторого интереса ждал этого выступления, как, думаю, и многие другие. Я был разочарован, как, думаю, и многие другие. Речь т. Красина была бледной копией того, что он сказал на XII с'езде нашей партии. Вы, говорит он, слишком лениво привлекаете иностранный капитал. Слишком лениво, видите ли, мы берем кредиты. Как будто дело только в нашей «лени». Нам, видите-ли, суют кредиты, а мы ленимся их взять. Можно ли, говорит он, нашей России с ее несчастными материальными рессурсами восстановить быстро свое хозяйство? Можно подумать, что у него в кармане есть дру-

гая Россия не с несчастными, а с богатыми рессурсами. Мы имеем одну Россию—такую, какая она есть.

Мне думается, товарищи, вопрос о размерах уступок международному капиталу ведет прямехонько к вопросу о взглядах на судьбы нэп'а. Некоторые товарищи из «оппозиции» пытались прибегать к «левым» фразам и держали речи в том направлении, что будто бы ЦК—за нэп, а они хотят его поурезать. Эти речи имели бы смысл, если бы эти товарищи были за отмену нэп'а и за восстановление военного коммунизма. Тут у товарищей из оппозиции не сведены концы с концами. С одной стороны, они как будто хотят урезать нэп, а с другой стороны, заявляют: дайте большие уступки международной буржуазии для восстановления деловых связей. Но это, ведь, и было бы величайшее усиление нэп'а, какое только можно себе представить. Потому что речь идет о том, чтобы пустить сюда настоящую, не так называемую новую буржуазию, которую мы все же здорово потрясли (здесь надо сказать, что наша «новая» буржуазия пока далеко не похожа еще на настоящего сытого буржуазного зверя, какого мы знаем в Англии и Франции),—если допустить иностранный капитал в большом количестве, это же будет величайший приток свежей крови и в жилы русской буржуазии и нэп'у вообще. Товарищи из оппозиции должны в этом пункте сговориться, здесь у них не сведены концы с концами. Они должны выбирать одно из двух.

Я думаю, что было бы величайшей ошибкой с нашей стороны сейчас,—когда международная буржуазия, что ни говори, все больше и больше запутывается в собственных противоречиях, а мы с вами, что ни говори, все-таки крепнем и крепнем, хотя и медленнее, чем мы бы этого хотели,—итти на чрезмерные уступки. Я позволю себе напомнить вопрос о концессии Уркварта. Я думаю, товарищи, что если после долгих размышлений т. Ленин и ЦК отвергли концессию Уркварта, то это, между прочим, потому, что в последнюю минуту т. Ленин сказал себе (и он был прав) примерно так: лучше наша израненная, серая, пока еще довольно бедная Советская Россия, но своя, чем Россия, кото-

рая для быстроты восстановления пустит к себе в огород такого крупного зверя, каким является Уркварт. Вот был основной тон настроения т. Ленина. Я думаю, что это было правильно. Это было действительно отношение «хозяина», в лучшем смысле этого слова, к тому достоянию, которое находится в руках нашей партии. Это не значит, что мы предлагаем ревизовать наше отношение к концессиям вообще. Конечно, мы будем концессии брать, каждый раз тщательно взвешивая. Сейчас идут переговоры с Синклером, возможен пересмотр вопроса об Уркварте. Но каждый раз, когда нам приходится иметь дело с каким-нибудь крупным концессионером-хищником, я думаю, мы должны помнить об этом основном настроении т. Ленина и ЦК. Да, возможно, дело восстановления нашего хозяйства и пойдет быстрее, если сразу произойдет большой приток иностранного капитала. Но «маленький» вопрос здесь заключается в том, пойдет ли это на пользу в классовом смысле слова нашему хозяйству, усилит ли это удельный вес нашего социалистического хозяйства, или сразу в величайшей степени усилит нэп. Этот «маленький» вопрос некоторые наши товарищи иногда позабывают. Между тем, это—коренной вопрос нашей международной политики. Не так важно—признают нас сейчас де-юре или нет, не так важно, как мы будем маневрировать по отношению к Макдональду или Пуанкаре, или другому представителю западно-европейской буржуазии,—как-нибудь сманеврируем. Не деталями хочу я занять нашу партийную конференцию. Но этим основным, узловым вопросом определяются действительные судьбы нашей международной политики. Да, начинается некая новая полоса в Западной Европе. Соотношение сил сложилось так, что у них есть склонность признать нас де-юре и пойти на деловые отношения. Наша партия должна дать ответ, считает ли она, что в связи с этой новой главой в международной политике мы должны пойти по тому пути, по которому предлагали итти т.т. Радек, Красин и другие, или мы должны остаться на старом пути. Это вопрос немаловажный, может быть, даже поважнее, чем крайне важный сам по себе вопрос о демократии внутри пар-

тии. Потому что от него действительно зависит классовое соотношение сил в нашей стране, потому что от него зависят судьбы нэп'а. И раз наши кадры обвиняли в том, что они перерождаются в сторону буржуазности, мне кажется, что при виде этих предложений «оппозиции», вполне уместно спросить: кто же тут действительно перерождается и в какую сторону? (Аплодисменты). Мы ли, партийные «староверы», когда мы говорим, что в этом вопросе мы должны держаться старой линии, или те, кто теряет равновесие и говорит, что сейчас надо пересмотреть международную политику в сторону больших уступок западно-европейской буржуазии? Я думаю, что конференция вместе с ЦК скажет нам: ни шагу в области каких бы то ни было дальнейших уступок. За признание «де-юре» мы не платим никакими материальными благами. Что такое в самом деле «де-юре»? Подумайте, они на седьмом году признают, что мы существуем! От этого некоторые плюсы, конечно, будут. Но чтобы мы за это платили чистоганом, льном, пшеницей — где это видно, за кого нас принимают? Мы не научились вполне хорошо торговать, но все же настолько мы умеем торговать, чтобы сказать: за это мы ни пшеницей, ни золотом не платим. Если они хотят открыть нам новые кредиты, — мы согласны поговорить о компенсациях. Мы знаем, что не ради наших прекрасных глаз будут они нам давать кредиты. Однако, мы помним, что медленно, но собственными силами мы начинаем выводить страну из того положения, в которое она попала. Мы стоим на той точке зрения, что Россия со своими «жалкими» рессурсами,—наши рессурсы не такие уже жалкие, мы одна из богатейших стран, т. Красин,— выйдет на дорогу; тут нас хорошо поймет не только рабочий, но и мужик, и тут будет одно из звеньев нашей смычки между рабочими и крестьянами, если мы социалистическое отечество не выдадим международному капиталу. Это есть разногласие, которое, если товарищи не будут на нем настаивать, останется эпизодом. Мы скажем тогда, что вы признали свою ошибку, и будет больше радости от одного раскаявшегося грешника, чем от десяти праведников. Но если на этой

ошибке начнут настаивать и из этого попытаются сделать платформу, это будет ошибкой, которая прямехонько ведет направо от партии.

Мне кажется, что обсуждение вопроса на нашей конференции в данный момент должно привести к тому, чтобы конференция от имени всей партии сказала ЦК, что мы по пути Радека и Красина в этом вопросе не пойдем, что это было бы ошибкой, что нет основания пересматривать свою политику здесь, ибо это было бы пересмотром не только в области международной политики, но и по отношению к нэп'у вообще.

ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА.

Я теперь перехожу, товарищи, ко второму вопросу. В Коминтерне, разумеется, за это время было немало событий. Раскол в норвежской партии,—мы должны были отрезать целое большое крыло социал-демократическое, которое долго себя называло коммунистическим. Серьезный конфликт в шведской партии, который теперь, повидимому, изживается; трудное положение в итальянской партии, которая все еще не вышла из тяжелого кризиса; в Болгарии одна большая ошибка летом, затем вооруженное восстание, которое впервые поставило нашу партию под перекрестный огонь неприятеля и которое впервые создало там настоящую коммунистическую партию, крупнейшее движение в Польше, которое нам показало, что в Польше мы входим в новую полосу развития.

Германский вопрос.

Но, разумеется, товарищи, над всем этим господствует германский вопрос. На осеннем нашем совещании мы констатировали серьезный политический кризис в Германии. Наша оппозиция много издевалась над тем, что мы не разговаривали много по этому поводу. Это для них было доказательством того, что, видите ли, наша партия состоит из «молчальников», что заглохла

жизнь в партии и т. д. Я думаю, что они плохо знают интимную сущность большевистской партии, если так об'ясняют дело, если так оценивают. Я не говорю, что все было хорошо в партии, но если на осеннем совещании перед лицом огромной важности событий мы оказались единодушны, как один человек, то смею вас уверить, товарищи из «оппозиции», это не потому, что у нас «молчальники», а это вытекло из сути большевистской партии. Партия понимала, что наступил момент, которого никто не мог расценивать иначе, как революционный момент, с большим количеством шансов на успех. Партия понимала, что если такой момент наступил, то дело не в том, чтобы сотрясать воздух речами и развести большую дискуссию, а дело в том, чтобы сделать выводы, вытекающие из всей обстановки. Мне кажется, что именно этим об'яснялось тогдашнее настроение. Все без различия оценивали положение вещей так, что революция в Германии есть вопрос недель. Все сведения сводились к этому. Самые пессимистические отзывы отличались от самых оптимистических тем, что пессимистически настроенные товарищи ждали революции на две, три, четыре недели позднее.

Вот самое большое расхождение, которое было. Одни говорили: вопрос дней, другие говорили: две, три, четыре недели лишних еще дадут нам более устойчивое большинство в рабочих массах, и мы тогда будем бить наверняка. Таково было положение вещей—громаднейшая августовская стачка, громаднейшее колебание в рядах противника, в рядах германской социал-демократии. Коммунистическая партия была поднята на гребень невиданной еще в Германии революционной волны. Мелкая буржуазия стала переходить на сторону коммунистической партии. Крестьянство колебалось, марка падала стремглав, буржуазия растерялась, красные сотни росли, фабзавкомы крепли, одним словом, была типичная картина настоящего предреволюционного кризиса. Вот почему стоял один вопрос: что же такое представляет собой большевистская партия после двух лет нэп'а, как будет она действовать? Будет ли она размусоливать, дискуссировать, даст ли она верх премудрым пискарям, которые в этот момент скажут: «нельзя риско-

вать», или большевистская партия окажется на посту, как главнейшая партия Коминтерна, и возьмет на себя всю тяжесть ответственности?

Я знаю, когда революция не пришла, неизбежно наступило большое разочарование у нас: вот вы «обещали» нам революцию,—где же ваша революция? Это настроение в рабочих массах бывало, и вполне понятно—почему. Но я думаю, товарищи, что и ЦК, и Коминтерн должны вам сказать, что, при повторении подобных событий в такой же обстановке, нам пришлось бы сделать то же. Мы ошиблись тут в темпе, как очень часто ошибались марксисты, начиная с самого Маркса. Что же удивительного, если и мы, ученики Маркса, в вопросе о темпе ошиблись вместе с германской партией, французской, польской, чешской и проч., которые вместе с нами принимали решение.

Но мы не ошибались в основном, как не ошибался большевизм, когда после поражения декабрьского восстания 1905 года он, в отличие от меньшевизма, сказал: вторая революция придет,—и она пришла. В вопросе о сроке Ленин тогда ошибался. Он «назначил» сначала срок восстания на весну 1906 года, а затем пришлось перенести на позднее лето: после окончания полевых работ, говорил Владимир Ильич, мужик будет посвободнее. Но восстание не произошло и поздним летом, а затянулось на много лет. Меньшевики, конечно, издевались над несбывшимся «пророчеством». В вопросе о сроке марксисты и сам Маркс не раз ошибались, потому что нет в наших руках такого инструмента, который дал бы возможность никогда не ошибаться в таком вопросе. Но в основной оценке классовых сил и в том, что неизбежна вторая революция, большевизм не ошибался, и в этом вопросе не ошибся и Коминтерн. Вторая революция в Германии неизбежна, и сроки, оставшиеся для нее, не так велики.

Товарищи, вы поймете без дальних слов, что после того, как произошла неудача, отступление без боев, вы поймете, что при таком положении вещей неизбежен более или менее тяжелый кризис партии, более или менее радикальная переоценка ценностей. Именно в такую минуту познаются настоящие революционеры.

Те, которые находятся в партии случайно, сбоку-припеку, они в такую минуту впадают в панику, шарахаются в крайнюю левую или в крайнюю правую, деморализуют партию, начинается плач, стенание, иеремиада. Настоящее ядро партии закаляется именно в такой обстановке. Германская партия проходит сейчас в этом смысле через тяжелые разногласия, и вместе с ними— Исполнительный Комитет Коминтерна, а с ним вместе и ЦК нашей партии вынуждены разбираться в этих разногласиях.

Я не могу здесь, товарищи, вдаваться во все детали,—это и не требуется,—я должен обрисовать только основу спора тем более, что он опять-таки имеет очень близкое отношение к нашим внутренним спорам и весьма существенно отражает споры с нашей «оппозицией».

Я не знаю, товарищи, как было у вас, в провинции, но в Москве было дело так, что вопрос о германской революции, о Коминтерне и о руководстве Коминтерна сыграл немалую роль в этих дискуссиях. Товарищи из «оппозиции» на всех собраниях, кроме тысячи и одного упрека против ЦК, бросали еще вдобавок упрек Исполкому Коминтерна в том, что он «погубил» германскую партию, германский ЦК. В этом отношении особенно усердствовал т. Радек.

Я должен сказать, товарищи, что за наши взгляды, в особенности в германском вопросе, действительно, несет ответственность весь ЦК РКП и более всего Политбюро. Вопрос этот слишком близко касался России. Уже по одному этому представители нашей партии в Коминтерне вынуждены были каждый вопрос рассматривать в Политбюро, а затем, товарищи, и, в силу положения вещей, в партии. Пока т. Ленин непосредственно работал, у нас дело происходило так, что мы, работники Коминтерна, непосредственно намечали линию и советовались с т. Лениным лично,—этого было достаточно, и весь ЦК считал, что, стало-быть, дело находится на правильных рельсах. Когда это стало невозможно, мы должны были сказать, что и в этой области нужно заменить руководство Ильича руководством коллектива. Вот почему представители ЦК в Комин-

терне должны были вопрос о германской революции во всех его деталях рассматривать в Политбюро, что мы и делали. Большая часть решений принималась единогласно, и, таким образом, это и есть коллективные решения, за которые мы несем ответственность. Разумеется, это не значит, что на мне лично не лежит бо́льшая ответственность. Само собой разумеется, на мне лежит бо́льшая ответственность в силу причин, которые вам понятны.

В чем заключались наши разногласия? В партии распространены некоторые неверные фактические сведения, которые я должен опровергнуть. Иногда распространяются о том, будто бы Исполком Коминтерна решил в такой-то срок произвести восстание, навязав этот срок немецкой партии. Я категорически утверждаю, что вопрос был передан на разрешение самой германской партии. Такова была наша точка зрения.

Второй вопрос, который в высшей степени важно осветить вам сейчас же, ибо он ведет нас прямо к основе разногласий в германской Коммунистической партии—это вопрос о саксонском правительстве. Каково было положение, вообще, в Саксонии? В Саксонии имелось большинство социал-демократов и коммунистов против буржуазии, парламентское большинство в несколько, если не ошибаюсь, в 6 голосов. Правое крыло германской Коммунистической партии несколько раз делало попытку установить тут соглашение с социал-демократами и легально образовать правительство на парламентской почве. Исполком Коминтерна всегда выступал против этого. Но когда мы оценили события так, что вопрос о кризисе есть вопрос нескольких недель, мы тогда сказали: теперь наступил момент, чтобы под известными условиями войти в правительство, дабы сделать себе из Саксонии плацдарм, получить место, где развернуться и организовать борьбу за власть. Это был момент, когда был назначен генерал Миллер комиссаром.

Мне припоминается пример Кронштадта 1917 г., когда временное правительство назначило комиссаром кадета Пепеляева, а фактически власть была в руках кронштадтского совета, как тогда кронштадтский совет

игнорировал Пепеляева и его высмеивал, а потом в свое время мы его арестовали. Нам казалось, что для немецких товарищей такой момент наступает: они войдут в правительство, будут игнорировать этого генерала, мобилизуют рабочих с тем, чтобы пойти на соединение с революционными рабочими всей остальной Германии. Другими словами, мы рассматривали вступление в саксонское правительство как маневр, чтобы, захватив пядь земли, развертываться дальше. Мы полагали тогда, что вопрос о вступлении нашем в саксонское правительство надо поставить практически под условием, что группа правительства Цейгнера готова будет, действительно, бороться против белой Баварии, против фашистов, добьется немедленного вооружения 50—60 тысяч рабочих Германии с тем, чтобы игнорировать генерала Миллера. То же самое в Тюрингии. Вы видите, как мы представляли себе это дело относительно вступления в это саксонское правительство.

Мы представляли себе дело ни в каком случае не как парламентскую комбинацию, а как маневр, направленный к тому, чтобы занять определенную позицию. Немецкие товарищи оценивали положение вещей так, что считали это возможным.

Теперь, вы знаете, делаются попытки ретроспективно, т.-е. задним числом, пересмотреть всю политику, и говорят так, что, дескать, Коминтерн, однако, опоздал, надо было тремя-четырьмя месяцами раньше начать подготовку. Вы знаете брошюру т. Троцкого «Новый курс», которой он выстрелил в конференцию за полчаса до ее открытия и которая, может быть, поэтому, еще не всеми прочитана. В этой брошюре т. Троцкий затрагивает также немецкий вопрос. Он говорит прямо, что ошибка была именно в том, что «если бы коммунистическая партия резко изменила темп работы, использовав предоставленные ей историей 5—6 месяцев полностью и целиком для организационной политической и технической подготовки, развязка событий могла бы быть не та, которую мы наблюдали в ноябре». Такая постановка вообще бесплодна. Разумеется, если бы начали подготовляться на 5 месяцев раньше, мы бы, при прочих равных условиях, лучше подготовились. Во-

обще, «ежели бы, да кабы»—то у нас было бы лучше—это дешевая философия. Однако, небезынтересно остановиться на вопросе, каковы были настроения в руководящей группе Коминтерна именно 5—6 месяцев назад. В июле месяце начался в Германии очевидный перелом. В июле месяце ЦК германской Коммунистической партии, почувствовав новую волну, выступил с революционным воззванием против фашистов. ЦК Коммунистической партии говорил открыто от имени партии, что за каждого убитого рабочего мы перебьем 10 фашистов. Кто знает историю германской Компартии, тот понимал, что это есть начало какой-то новой главы. Движение шло дальше и дальше. Партия получала все больше и больше влияния. Тогда она решила назначить известный вам антифашистский день. Это было крупнейшее событие. Рабочие социал-демократы были на нашей стороне, и все смотрели на германскую Коммунистическую партию, как на тот таран, который ударит фашизм по голове, пока он еще не совсем окреп. В этот момент у нас начинается первое разногласие внутри Исполкома Коминтерна. Мы были в отсутствии с т. Бухариным, нас здесь заменял т. Радек. Мы с т. Бухариным, получив это воззвание, как члены Исполкома Коминтерна, послали приветствие германской Коммунистической партии, в котором говорили, что мы считаем это воззвание великолепным и сугубо поддерживаем их в их борьбе и в вопросе об антифашистском дне. Т. Радек поднял против нас бешеную полемику. Он телеграфировал нам с Бухариным (телеграмма в моих руках), от 12 июня, что «наша политика с т. Бухариным означала бы, что Коминтерн толкает партию на июльское поражение», что мы находимся «под впечатлением болгарских и итальянских событий» и легкомысленно форсируем дело в Германии. Т. Радек провел через президиум Исполкома телеграмму, от 26 июля, которая гласит: «Президиум Коминтерна советует отказаться от уличных демонстраций 29 июля... Боимся западни». Часть наших товарищей, положившись на т. Радека, поддержала его в этом.

Т. Троцкий был запрошен также по этому поводу, он ответил, что воздерживается, так как не имеет всех материалов.

Таким образом, расхождение было такое. Мы с Бухариным говорили: поздравляем с этим шагом, сугубо поддерживаем это начало новой главы. Радек обвинял нас, что мы толкаем на июльскую бойню, на новые поражения. Радек вносил предложение об отмене фашистского дня. Т. Троцкий воздерживается. Я не для упрека это привожу. Ошибаться можно, но нельзя же потом прийти и бить нам челом нашим же добром и говорить, что если бы мы были готовы немножечко раньше, то дело пошло бы лучше. Мы-то догадались, а вы и т. Радек не догадались. Зачем же с больной головы на здоровую валить? Или, когда говорят, что в начале рурского кризиса, дескать, вопрос решался, тогда нужно было видеть, что начинается новая глава! Опять с больной головы на здоровую! В Коминтерне состоялись две международных конференции в связи с Руром—одна в Эссене, другая во Франкфурте. Обе эти конференции мы рассматриваем как начало новой главы.

Исполком Коминтерна в связи с этим принял целый ряд мероприятий. Почему т. Троцкий для об'ективности не отметил в своей брошюре, что т. Радек, который был больше всего знаком с этим движением, считался самым большим знатоком его и, действительно, больше всего в нем работал, что он ошибся больше всех, что он держал партию за фалды, когда нужно было ее звать в бой, а не держать за фалды? Вот как, товарищи, распределялись действительно взгляды на этот вопрос у нас.

Германская Компартия сейчас.

В чем разногласия сейчас в германской партии? Товарищи спорят, надо было или не надо было отступать, или если надо было, то надо ли было отступать без борьбы?

Товарищи, разногласия большие. Всем нам, проделавшим 2 — 3 революции, они очень хорошо знакомы. Лучшая часть германских рабочих горит негодованием, что партия отступила без боя, потому что настроение было гораздо более боевое, чем в первой германской

революции. Надо слышать рассказы германских товарищей о том, как рабочие владели улицей, как стотысячные толпы рабочих не расходились до утра, овладевали грузовиками, как поднимались десятки тысяч женщин, шли впереди, как в Рурском бассейне немецкие женщины поднимали худых детишек своих навстречу французским солдатам и как французские солдаты опускали винтовки, и начиналось братание, как рабочие повернулись спиной к своим вождям соц.-демократам и шли только за коммунистами. Из этих рассказов ясно, что там был громадный под'ем партии.

После октябрьского совещания у германских товарищей создалось настроение, что завтра грянет бой, что завтра они пойдут или на победу, или на смерть. Поэтому внезапное отступление отозвалось большой депрессией и разочарованием. А тут, в связи со всем этим, саксонский тяжелый опыт.

Вы помните, товарищи, тот взгляд, которого держался Исполком Коминтерна на вступление коммунистов в саксонское правительство. Но, товарищи, как вышло на деле? На деле вышло, можно сказать, совсем наоборот. В правительство вошли три члена Центрального Комитета нашей партии — Бетхер, Геккер и Брандлер. Брандлер взял не министерство, а правительственную канцелярию. Мы все здесь потирали руки от удовольствия и говорили: нет хитрее германской коммунистической партии, — она взяла себе главную правительственную канцелярию. Брандлер вошел туда, и ему будет подчинена полиция и вообще весь аппарат. Но мы были глубоко разочарованы; тут не было никакой хитрости, а было чисто-немецкое преклонение перед правительственной канцелярией, где, казалось, находятся таинства всех таинств, и туда послали самого выдающегося работника Центрального Комитета партии. Они пробыли в правительстве всего 11 дней, даже 9 дней, потому что последние два дня они были уже между правительством и тюрьмой. Конечно, за 11 дней немного можно сделать, и Исполком Коминтерна, разумеется, не упрекает их в том, почему они не достали 60 тысяч винтовок и пр. В борьбе всегда можно

потерпеть поражение, особенно в революционной борьбе, и вместо 60 тыс. винтовок получить пулю в лоб. Но надо было вести себя так, как подобает себя вести революционерам. На самом же деле они чувствовали себя соучастниками обыкновенной коалиции из коммунистов и социал-демократов. Они говорили, что «мы стоим на почве конституции», а не как-нибудь, что «мы ответственны только перед ландтагом», а не как-нибудь. Тут сказались старые социал-демократические традиции. Бебель в свое время с успехом разоблачал реакционность правительства, которое попирало ногами свои же законы и свою же конституцию. Тогда это было революционной агитацией. Но если коммунисты берут бебельские ноты теперь, в 1923 году, когда генерал Миллер марширует со своими войсками против них, если они в такой момент говорят, что они стоят «на почве конституции», что они «ответственны только перед ландтагом», то из этого получается банальная парламентская комедия.

Этот опыт участия наших товарищей в саксонском правительстве раскрыл нам глаза на многие слабости германской Коммунистической партии, которые мы подозревали и раньше, но с особой наглядностью увидели теперь. Как только мы увидели ход этих событий, Исполком Коминтерна написал закрытое письмо германской Коммунистической партии с просьбой дать его для прочтения всем членам Центрального Комитета. Мы все были согласны с ним, как и т. Троцкий, который предлагал внести только некоторые редакционные поправки. В этом письме Исполком Коминтерна писал:

«Из вашей переоценки степени политической, технической подготовки с неизбежностью получилась также политическая ошибка. Мы здесь в Москве, как вам это хорошо известно, рассматривали вхождение коммунистов в саксонское правительство лишь как военно-стратегический маневр. Вы же превратили это вступление в политический блок с «левой» социал-демократией, связавшей руки вам. Мы представляли себе дело так, что вхождение в саксонское правительство явится завоеванием известного плацдарма для того, чтобы на нем начать разворачивать силы наших армий.

Вы ухитрились превратить участие в саксонском министерстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами. В результате получилось наше политическое поражение. Хуже того: получилось нечто очень близкое к комедии. Поражение в бою мы перенести можем. Но когда революционная партия накануне восстания попадает прямо в смешное положение, это хуже, чем поражение. Партия совершенно не вела общегосударственной политики, которая могла и должна была бы явиться вступлением к решающему столкновению. Ни одного решительного революционного шага, ни одной даже сколько-нибудь яркой коммунистической речи, ни одного серьезного шага, чтобы двинуть дело вооружения Саксонии, ни одной практической меры для создания Советов в Саксонии! Вместо всего этого «жест» Бетхера, заявившего, что он не уйдет из здания министерства, пока не выведут его силой. Нет, товарищи, так революции не подготовляют».

Т. Радек вместо того, чтобы указать германской партии на эту ошибку, стал в своих печатных выступлениях поддерживать правое крыло этой партии, которое хочет увековечить эту оппортунистическую «саксонскую» политику. Конечно, т.т., не надо преувеличивать этих ошибок. Германская Компартия все же одна из лучших секций Коминтерна, могучая пролетарская партия, партия, насчитывающая несколько сот тысяч рабочих, партия, которая приведет к победе германский рабочий класс. Но и она имеет свои слабости, и в ней есть остатки 2-го Интернационала. Да это и естественно: ведь, мы родились из недр 2-го Интернационала; 3-й Интернационал не с неба свалился, и остатки 2-го Интернационала есть в недрах всех партий. Да нечего греха таить, и в нашей партии мы нашли сейчас мелкобуржуазные уклоны, а это что такое, как не остаток 2-го Интернационала? Такие остатки есть безусловно и в германской партии. Ошибки будут исправлены, но лишь в том случае, если ошибки будем называть ошибками, если не будем превращать в перл создания то, что является явной ошибкой.

Радек стал на защиту правого крыла партии и начал сочинять целую философию, чтобы оправдать его

оппортунистическое поведение. В чем это выразилось? Была созвана конференция после неудачи. На ней прошла резолюция, гвоздем которой являлось следующее положение: «Фашизм победил ноябрьскую республику, не победивши, однако, рабочего класса». Мы, получивши этот текст, сказали, что это или литературный выкрутас, или оппортунизм. Оказалось — то и другое. Частенько это бывает.

В самом деле, почему это положение неверно? Прежде всего, самое словоупотребление нам не нравится — «ноябрьская республика». Первая германская революция произошла в ноябре и называется ноябрьской. Конечно, в статье можно употребить это выражение, как мы, например, говорим: «июльская монархия». Но теперь, когда дело идет о теоретическом анализе, чтобы выяснить основные перспективы себе и германским рабочим, мы должны избегать такого словоупотребления. В данном случае уместнее другое словоупотребление, которому учил нас Маркс. Что представляет из себя сейчас Германия? Это буржуазная демократическая республика. Вначале ноябрьской республики она называла себя «социалистической», но это был обман. Она — буржуазно-демократическая республика, — это более правильно и ясно. Но дело, конечно, не в терминологии. Что значит—«фашизм победил ноябрьскую республику, не победивши, однако, рабочего класса...» Не выходит это...

Какие выводы из этого сделали? Социал-демократия, говорят нам, была побеждена фашизмом. Между тем, именно это совершенно неверно. Если бы социал-демократия была побеждена в борьбе, мы должны были бы проводить совершенно иную тактику. Мы теперь предлагаем оборвать всякие переговоры с контр-революционными верхами германской социал-демократии. Но если бы было верно положение, что фашизм победил германскую социал-демократию в борьбе, то отсюда вытекало бы, наоборот, наше сближение с германской социал-демократией. Маркс учил нас, что если мелкобуржуазные партии, в данном случае с.-д. партии, борются с реакцией, то мы должны поддержать эту

борьбу. Но в том-то и дело, что вопрос стоит не так.

Т. Радек вопрошает, кто господствует сейчас в Германии? И, отвечая — генерал, делает вывод: стало-быть, фашисты победили соц.-демократию. Мы говорим: вовсе не «стало-быть». Кто господствует? — Сект. А кто соучастник во власти? — Германские социал-демократы. Разве Эберт — президент, Зеверинг — министр внутренних дел Пруссии — не социал-демократы? Да, мало того. Не только верхушка соц.-дем. соучаствует во власти. Разве мы не знаем, что пара десятков тысяч, если не больше, рядовых немецких социал-демократов тоже участвуют во власти в роли бургомистров, начальников полиции и т д.? Это тоже кусочек власти. Несомненно, это так. Социал-демократия и сейчас остается соучастником во власти. Вот в этом гвоздь! Пять лет, начиная с ноябрьской революции, в Германии правит блок социал-демократии и буржуазии. Внутри этого блока время от времени меняется соотношение сил. Даже буржуазная революция в Германии произошла вопреки воле социал-демократии. Потом германская с.-д. взяла власть и стала на тормозах спускать германскую революцию, постепенно сдавая власть буржуазии. Сейчас мы видим блок социал-демократии и буржуазии. Социал-демократия — это и теперь соправительствующая партия в Германии, т. Радек! Вот откуда вытекает наша тактика по отношению к социал-демократии. Дело в том, что сама социал-демократия стала фашистской. Товарищи, это явление замечается не только в Германии, но и во всем 2-м Интернационале.

Посмотрите на Италию. Возьмите итальянскую партию Туратти. Туратти — оппортунист уже в течение 25-ти лет. Но можно ли было 10 лет тому назад сказать, что Туратти — социал-демократ фашистского типа? Нет, он был ревизионистом, издавал плохой журнал. А теперь это социал-демократ фашистского типа, его партия — крыло итальянского фашизма. Или возьмите Болгарию, более знакомую нам страну. Возьмите тамошних меньшевиков во главе с Сакызовым.

Он 20 лет оппортунист. Но можно ли было сказать 10 лет тому назад про Сакызова, что это с.-д. фашистского типа? Плеханов ругал его за ревизионизм, за «критику» марксизма. А теперь? А теперь этот Сакызов входит в правительство фашиста Цанкова, режет коммунистов и т. д. То же самое вы видите во всех партиях 2-го Интернационала. То же самое было в Германии. Теперь нужно сказать рабочим, что социал-демократия стала крылом фашизма, а не переворачивать все вверх ногами и говорить, что фашизм победил социал-демократию, но не победил рабочих.

Отсюда вытекают две тактики. Если с.-д. стали крылом фашистов, тогда — за горло их, тогда надо отказываться от сношения с их верхами, тогда мы смотрим на них как на людей, которые стоят по другую сторону баррикады. Новое в международном рабочем движении в чем заключается? В том, что социал-демократия становится крылом фашизма. Фашизм является теперь амальгамой черносотенства и социальной демагогии, прямой помещичьей реакции и щекотания инстинктов неимущих слоев населения. Мы это видим на примере Муссолини и других. Вот почему социал-демократии легко совокупиться с фашизмом. Это надо об'яснить немецким рабочим.

Немецкая социал-демократия есть часть нынешнего правительствующего блока, несмотря на то, что там у власти стоят сейчас генералы. По типу нынешняя германская республика не так уж отличается от любой буржуазной демократии, хотя бы французской. Зачем же вам брать терминологию, которую вам подсовывает буржуазная пресса, говорить о ноябрьской республике? Возьмите марксистский термин — буржуазная демократия. Тогда вы скажете рабочим то, что есть, то, что это, в основном, такая же буржуазная и такая же реакционная республика, как и во Франции.

Социал-демократия является крылом фашизма, а отсюда вытекает вся наша тактика. Т. Радек ищет расхождений внутри фашизма, которые есть и имеют известное значение. Но, преувеличивая их, Радек фальшивым образом ориентирует всю немецкую партию.

Отсюда то, что он защищает ту вопиющую вещь, которая была в Саксонии, которая является проявлением оппортунизма, которая расценивается нами как банальная парламентская комедия. Он это защищает.

Вот в кратких чертах наши разногласия.

На фоне всех этих событий началась большая дифференциация в ЦК германской компартии. В конечном счете оказалось, что германский ЦК в большинстве своем стал на ту же линию, как Исполком Коминтерна. Там получилось соотношение такое: два человека на правой — Брандлер и Тальгеймер; 15 человек в центре, мнения которого, в общем и целом, совпадают с нашей точкой зрения; только точка их зрения выражена слабо, менее ясно; затем левая, имеющая в ЦК 6—7 человек, которая больше обращает все взоры на прошлое, целиком критикует старую тактику, но, в конце концов, тоже становится в главном на нашу точку зрения. В данное время происходит совещание.

Перед Исполкомом Коминтерна встал вопрос о том, что мы посоветуем сейчас германской партии. Исполком взял курс на то, чтобы повернуть партию против правых уклонов, против того правого уклона, который не случайно представляет там также т. Радек, который у нас здесь иногда рядился в «левую» тогу. Исполком взял курс на сближение 15-ти из большинства с левыми для выработки севместной платформы. Т. Радек делал все возможное и невозможное для того, чтобы помешать Коминтерну провести это решение. Он прямо отказался подчиниться решению ЦК нашей партии, который дал определенные указания нашей делегации в Исполкоме. Мы спросили его: будешь проводить? Он сказал: нет, ибо я выбран Международным Конгрессом, а не вами (Негодующие восклицания). Формально он прав: мы все выбраны Международным Конгрессом; но понятно, что мы должны там представлять нашу партию. Мы приняли решение, как вы, вероятно, знаете из газет, довести до сведения Исполкома Коминтерна, что он не представляет мнения нашей партии в этом вопросе. Товарищи Троцкий, Радек и Пятаков написали контр-тезисы, черновые, необработанные, с которыми они обратились через голову

нашего ЦК. к немецким товарищам, не послав их даже в наш ЦК. Т. Радек сделал все возможное, чтобы помешать Исполкому Коминтерна столковаться с большинством ЦК германской партии. Мы, другие члены Исполкома Коминтерна, сначала делали попытки соглашения, выбрали паритетную комиссию, чтобы там согласовать наши разногласия. Т.т. Радек и Пятаков представили поправки оппортунистического типа, совершенно для нас неприемлемые. Мы были вынуждены их отвергнуть. Таким образом, мы делали все попытки к соглашению, а они делали все попытки к тому, чтобы фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Вот как стоит вопрос.

Но все же я счастлив вам сказать, что вопреки всем этим помехам, несмотря на то, что т. Троцкий и т. Радек раньше имели значительный авторитет среди немецких товарищей, удалось уже добиться совместной резолюции по всем политическим вопросам большинства германского ЦК с левой (Аплодисменты).

Не дальше как сегодня закончила работу комиссия, которая важнейшую политическую резолюцию приняла единогласно. Еще на днях, в последний момент, когда выбиралась комиссия, т. Радек пытался разжечь фракционную борьбу между левыми и большинством ЦК. Он смеялся, что мы, Исполком Коминтерна, хотим устроить «свадьбу» между левой и большинством ЦК. Мы отвечали, — что же плохого в том, что мы хотим устроить так называемую «свадьбу» между большинством ЦК и левой, т.-е. Гамбургом и Берлином, где находятся лучшие революционные рабочие, без которых никакой революции в Германии сделать нельзя? Несмотря на слабости в прошлом, левые, в общем, сигнализировали оппортунистические опасности правильно. И сейчас они имеют лучшие связи с рабочим классом Германии, чем правые, из которых некоторые являются настоящими политическими банкротами. Плохо не то, что правые ошибались, а плохо то, что они не хотят понять своей ошибки, что мы видели и у нас во время нашей дискуссии.

Тактика единого фронта.

Исполком Коминтерна ведет политику, чтобы ориентировать германскую партию налево, против оппортунистических опасностей. Тут т. Троцкий прав, когда он пишет в той же книжке, что в 1921 году надо направлять германскую партию несколько направо, когда она в марте 1921 г. зарвалась, и что теперь партия по инерции продолжала видеть опасности слева. Сейчас наступил момент, когда опасность имеется с п р а в а. ЦК и Коминтерн сигнализировали это. Мы добились в основном соглашения основного ядра немецкой партии с представителями крупных левых пролетарских организаций, которые до сих пор были полны недоверия к отдельным представителям тех правых, которые еще недавно совершали саксонские ошибки и которые явно социал-демократические ошибки пытались выдать за чистое золото научного коммунизма. Вот, товарищи, как обстоит дело. Чтобы закончить, я должен указать на то, что, повидимому, намечаются разногласия и в вопросе о тактике единого фронта.

Что такое тактика единого фронта? Мы сейчас даем еще раз точную формулировку этому. С нашей точки зрения тактика единого фронта есть не что иное, как метод революционной агитации и мобилизации масс в той стадии движения, когда мы в меньшинстве, когда еще наступает капитал, когда мы обороняемся, когда социал-демократы еще сильны и т. д. Мы говорим, что это метод агитации и организации—и ничего другого. Кто говорит, что это значит что-то другое, тот подает палец социал-демократам. Радек и правое крыло германской Компартии исходят именно из того, что тактика единого фронта представляет нечто другое, большее, чем метод агитации и организации. Они не договаривают до конца. Но они думоат, это это означает вхождение в правительство вместе с с.-д., что из этого может выйти целый этап, что может быть осуществлено нечто вроде союза коммунистов с с.-д. на почве «демократии» и т. п. Одно к одному. Отсюда

этот взгляд на социал-демократию, как на яко-бы—побежденную фашизмом.

Радек возражает, что он тоже ругает с.-д. Дело не в ругательствах, а дело в оценке, в классовом анализе. Вы можете их не слишком ругать, но скажете, что они сейчас участники фашистского блока, вместо того, чтобы говорить, что они побеждены, что они—жертва фашизма,—тогда получится другая перспектива. Отсюда и неверный взгляд на тактику единого фронта.

Здесь была недоговоренность, теперь нужно занять ясную позицию. Наша позиция в Исполкоме Коминтерна такова, что тактика единого фронта есть не что иное, как метод агитации и мобилизации масс, метод маневрирования в социал-демократическом окружении, но не какая-то демократическая коалиция с с.-д. на парламентской почве. По этому вопросу надо договориться ясно. Т. Радек угрожал, что на этой почве будет кризис в Коминтерне. Я думаю, что этого не будет, но если это неизбежно, нужно сказать—чем скорее, тем лучше. Мы должны в Коминтерне поставить эти вопросы ребром, наша партия должна по ним высказаться и, на основе своего опыта, показать дорогу рабочим других стран.

Вот те разногласия, которые стоят перед нами. Вы видите, что борьба перебросилась отчасти и по коминтерновской линии, что в Коминтерне пытались построить фронт против линии нашей партии. Т. Радек в Москве говорил студентам, что ЦК через Исполком Коминтерна губит германскую партию. Мы, как горячие интернационалисты, отнеслись бы безжалостно к тому Центр. Комитету, который позволил бы себе небрежно относиться к братской партии, ждущей от него руководства. С нас нужно было бы за это три шкуры содрать, если бы в этом вопросе мы в самом деле допустили ошибку. Но дело в том, что и в этом вопросе роли опять распределяются так фатально, что те товарищи, которые обвиняют ЦК в перерождении, на самом деле сами держатся за фалды того правого крыла, которое собрало только два голоса из 25-ти в своем собственном ЦК. В этом вопросе о н и опять оказываются на правой стороне, а не там, где должны стоять настоящие марксисты-большевики.

БИБЛИОТЕКА Инстит. Красн. Профес.

Положение Коминтерна, конечно, трудное. Приходится через поражения вести рабочий класс постепенно к победам. Мы уверены, что последние события в Польше, Германии и Болгарии все-таки есть начало новой волны международной революции, которая, может-быть, пойдет еще на убыль, затем опять будет подниматься. Но это есть события крупной важности.

Правительство Макдональда будет тоже «рабочим правительством», и рабочие будут учиться. Коминтерн, несомненно, выполнит свою историческую миссию, если мы не позволим действовать такими методами, какие мы видели здесь со стороны Радека, если мы не позволим перенести фракционные методы в организацию международного масштаба. Не у всех компартий партаппарат такой, как наш. У них нет такого твердого костяка, как у нас с вами. Я думаю, теперь уже ясно, что тот, кто захочет наскочить на нас, на наш аппарат, у того наверняка останется на лбу шишка (Смех, аплодисменты). У молодых братских коммунистических партий нет еще такой закаленности, такого твердого аппарата и руководства, и там действительно можно наделать много бед. Мы за эти партии несем большую ответственность. Имейте в виду, товарищи, что если вы сидите у себя в Оренбурге или Екатеринбурге, то вы там тоже несете частицу ответственности за весь Коминтерн, за эту величайшую рабочую организацию мира. А нести ответственность за работу этой организации при отсутствии Ильича — дело отнюдь не легкое. И я думаю, что в этом вопросе мы должны быть особенно непримиримыми и особенно «твердокаменными», как полагается большевикам-ленинцам. Мы должны здесь сказать, товарищи, твердо, что не позволим тут шуток, не позволим дергать братские коммунистические партии, не позволим рвать международную дисциплину, не позволим переносить фракционную борьбу в ряды Коминтерна, в ряды международной организации пролетариата. Надо доказать, товарищи, и в этом будут согласны все партии Коминтерна, что мы, несмотря на все, будем продолжать твердо руководить Коминтерном, и если будут прыжки направо т. Радека и других, то мы таких людей быстро поставим на место. В настоя-

щее время Коминтерн в целом, а в Германии особенно, должен направить усилия против правых ошибок, которые предлагает т. Радек.

Товарищи, которые пережили революцию не только 1917, но и 1905 года, знают, каков должен быть подход к этим разногласиям, по какой линии идут эти разногласия. Помните, как Мартов искал разногласий между кадетами и октябристами, между Милюковым и Гучковым. Эти разногласия между Милюковым и Гучковым, конечно, были, но это были только частности и оттенки. Мартов утоп в попытках на этих тонких различиях построить тактику партии, как бы и Радек на этом не утоп. Кроме Гучкова и Милюкова, был и Пуришкевич, был союз русского народа. Это были зачатки русского фашизма. Его черные сотни были боевыми организациями русского фашизма. Они имели зацепку в массах, имели зацепку в деревнях, они одно время имели за собой дворника, извозчика, кухарку, имели за собой мелкий люд. Мы все помним прекрасно, как во время декабрьского восстания, когда за нашими боевиками пошел дворник, пошел мелкий люд. Т. Ленин отмечал это как величайшее наше достижение. Русский фашизм имел значительное влияние среди мелкого люда точно так же, как немецкий фашизм имеет сейчас значительное влияние среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Радек прав, что надо попытаться отвоевать из-под влияния германского фашизма эти мелкобуржуазные слои. Мы здесь согласны с ним. Но надо совершенно ясно видеть, товарищи, что все-таки нашу тактику строить нужно не на противоречиях между династией Виттельсбахов и династией Гогенцоллернов, как говорит т. Радек в своей резолюции. Конечно, между ними есть разногласия, как они были между шайкой Н. Н. Романова и шайкой Николая II, но на этом строить тактику пролетарской партии нельзя. Я думаю, что наше единодушное решение должно состоять в том, чтобы подкрепить германскую партию. Германская партия уже сейчас не верит сказкам о том, что у нас в России большой кризис в партии. Некоторые немецкие товарищи, пробыв здесь несколько недель, кое-чему научились. Их ЦК кое-чему научил. Когда они увидели,

как наш ЦК вел борьбу за Москву, когда ее пытались вырвать из его рук оппозиционеры, эти товарищи говорили: вот, если бы у нас был такой ЦК, было бы неплохо (Смех, аплодисменты). Я, товарищи, думаю, что этот опыт для них очень пригодится.

Мы считаем счастливейшим предзнаменованием для германской Коммунистической партии, что при помощи Исполкома Коминтерна ей удалось выработать единую политическую платформу большинства ЦК и левых представителей гамбургской, берлинской и рурской организаций, единую платформу, которая под контролем Коминтерна будет теперь, вероятно, проводиться и на партийном с'езде в Германии и которая перестроит все ряды в Германии против оппортунистического уклона. Мы считаем это счастливым предзнаменованием для германской Коммунистической партии, которая, что ни говорите, несмотря на все промахи,—сильная партия и стоит перед громаднейшими задачами.

Коминтерн строит сейчас свою тактику в Германии, наученный горьким опытом, на двух возможностях: на возможности более быстрого развития событий, быть-может, даже нынешней зимой, или на возможности более длительного затишья.

Вы помните, товарищи, что после 1905 года большевизм почти полтора года не знал, к чему идет дело: на полосу более длительной контр-революции или на более быстрый новый под'ем революции, и мы это оценили только в 1907 году, да и то еще с колебаниями.

Понятно, что и в Германии мы не можем сказать, на что там дело идет—на немедленную развязку или на более или менее длительное затишье. Как-будто все указывает на менее длительную полосу затишья, чем было у нас. Конечно, мы не историки, а живая политическая партия, и от нас тоже зависит этот параллелограм сил.

В этом пункте—в деле Компартии—мы меньше всего можем позволить нашим оппозиционерам легкомысленные шутки. Германская Коммунистическая партия, что ни говори, в силу исторических судеб, стоит на аванпостах международной революции.

Конечно, товарищи, решение нашей партии в данный момент имеет больший удельный вес, чем когда бы то ни было. Правый уклон в немецкой партии Исполком Коминтерна выправит очень скоро, несмотря на то, что в этом правом уклоне товарищи имели поддержку в лице т. Радека и отчасти Троцкого. Мы надеемся, что т. Радек еще сознает свою ошибку, и, конечно, это будет самым лучшим исходом и для нас, и для германской Коммунистической партии, и для него самого. Но если бы он этих ошибок не сознал, мы будем иметь достаточно силы воли и организованности для того, чтобы, вопреки этой ошибке, провести ту линию, которую мы считаем единственно правильной.

Итоги.

Подводя итоги, товарищи, я говорю, что ЦК партии, который только что подвергся такой бешеной атаке и который, кажется, недурно отбил эту атаку, ведет и здесь совершенно правильную ленинскую линию.

Вы имеете перед собой две группы вопросов: вопросы международной политики, прямо связанные и с Макдональдом, и с Пуанкаре, и с предложением Радека и Красина итти на новые уступки; вы имеете и другую группу вопросов по другой линии—по коминтерновской, связанную с громаднейшим, величайшим опытом международного рабочего движения, проделанным германской Коммунистической партией в месяцы: август 1923—январь 1924 года. И по той, и по другой линии мы стоим накануне решений, которые определят ход событий на долгие месяцы, а может быть, и годы. Само собой разумеется, что мы должны все эти решения обдумать, взвесить, но в общих чертах решение намечено, а в деталях и в отделке мы еще над ними будем работать, прорабатывать и продумывать.

Я прошу нашу конференцию, чтобы она всю силу своего влияния положила на чашу весов. А ее влияние немалое, вопреки мнению даже ячейки Московского военного округа, которая авансом написала, что на конференции соберутся люди, которые не могут судить

о событиях (где уж нам до Рафаила или Сапронова, всем собравшимся здесь!). Все-таки я думаю, товарищи, что ленинская большевистская партия есть партия, что у нас в партии могут усесться на одном диване такие люди, которые думают, что наша конференция никого не представляет, кроме бюрократов. Наша конференция представляет нашу партию, как она есть, конечно, с некоторыми слабостями (полюбите нас черненькими), с некоторой твердокаменностью характера, с которой некоторым из вас впервые пришлось познакомиться (Смех, аплодисменты).

Некоторые «оппозиционеры», кажется, впервые поняли, что такое большевистская партия. Так учитесь вот, что такое большевистская партия. Когда вы будете посягать на нее, когда будете пытаться ломать аппарат, ломать ЦК, вы встретите железную стену большевиков, которые умеют защищать свое дело со всею страстью революционеров (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты). Немало товарищей обвиняли нас в том, что мы были резки. Представьте, даже давали сдачи, когда они нападали на ЦК, когда две ночи перед 1500 курсантов в Кремле доказывали, что они должны вынести недоверие ЦК РКП. Да, мы в этот момент были не совсем бесстрастны. Мы в этот момент проявили некоторую страстность, которая есть у большевиков, и мы ее проявим всякий раз, когда кто-либо будет посягать на единство нашей партии, будет выступать с такой критикой нашей партии, какую мы видели. Но мы проявим ее втройне, когда, пользуясь отраженным авторитетом нашей партии, играющей огромную роль в Коминтерне, попытаются эту фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Мы дадим втройне отпор. И я ручаюсь, мы будем иметь на своей стороне все, что есть пролетарского, закаленного и революционного в Коминтерне (Долгие бурные аплодисменты).

Уроки германских событий и тактика единого фронта [1].

События, разыгравшиеся в Германии в течение последних недель, и тактика Коммунистической партии в этих событиях принадлежат к числу таких фактов, которые должны быть до конца освещены перед всеми секциями Коминтерна. Каждый мыслящий коммунист не может не размышлять над тем, что произошло в Германии, не может не искать ответа на целый ряд „проклятых вопросов", связанных с этими событиями. Исполнительный Комитет Коминтерна находит, что теперь уже наступил момент, когда об этом можно и должно говорить публично. О конкретных практических задачах, вставших ныне перед германской Компартией, мы будем говорить со всей подробностью в особом документе. Здесь мы касаемся тех вопросов, которые имеют явно международное значение.

В октябре этого года и германская Коммунистическая партия, и Исполнительный Комитет Коминтерна считали, что революционный кризис в Германии назрел в такой степени, что вооруженное восстание является вопросом недель. События показали, что наши расчеты были преувеличенными. Некоторые товарищи ставят вопрос так: революционный кризис в Германии действительно назрел до последней степени, победоносное вооруженное восстание, говорят они, было возможно в

[1] Статья эта, послужившая основой для резолюции ИККИ, была написана до совещания с германскими товарищами.

октябре месяце, но германская Компартия пропустила момент, и, именно благодаря этому, мы очутились в том положении, в каком находимся ныне. Такой диагноз мы считаем совершенно неправильным. И уж во всяком случае явной ошибкой было при данном положении вещей сводить всю проблему к „календарной программе“ подготовки восстания или заявлять, что никаких задач, кроме технических, перед германской Компартией яко-бы уже не стоит. Германская Компартия обнаружила много слабостей и совершила ряд серьезных ошибок в эти критические недели, но мы не считаем ошибкой то, что она в октябре месяце не призвала пролетариата к генеральному сражению.

Отступая, партия могла и должна была все же мобилизовать массы для отдельных крупных выступлений, демонстраций, стачек и т. п. Отступление не должно было быть столь пассивным. Но самый отказ от генерального боя при создавшемся положении был неизбежен.

Не только техническая, но и политическая подготовка для решающих боев, как это ясно теперь, не была достаточна. Высоко поднявшаяся волна политических забастовок в августе 1923 года заставила нас поверить, что германская Компартия имеет уже за собой большинство всего пролетариата, или, по крайней мере, его социально решающих слоев. Это оказалось неверным. Германская Компартия находилась только (как и находится сейчас) на пути к тому, чтобы завоевать это большинство. Но она его еще не имела. Вторая половина сентября и начало октября были как раз самым подходящим временем для того, чтобы организовать ряд демонстраций и других выступлений с целью втянуть в активную борьбу большие слои рабочих. Но именно этого не было сделано. К этому времени в партии стало складываться неверное мнение, будто кризис уже уперся в восстание, будто частичные выступления уже невозможны: либо восстание—либо ничего. Отсюда вытекла, например, неверная оценка движения в связи с антифашистским днем и т. п. Одной из основных слабостей германской Компартии, известной всякому критическому наблюдателю и участнику ее развития, является: недостаточная ее способность направлять усилия партии в

течение длительного срока на одну ударную задачу, развертывать постепенно бой и вводить в этот бой рабочую массу, неумение закрепить растущее ее влияние на рабочие массы в массовых организациях и т. п. В лице фабзавкомов партия имела основную, исторически данную, массовую пролетарскую организацию. Опираясь на них, надо было вести живую, энергичную агитацию за Советы рабочих депутатов и в то же время подымать и развивать фабзавкомы настолько, чтобы они сами смогли на время фактически взять на себя роль Советов. Первого партия не сделала вовсе, второе—очень неудовлетворительно. В результате, отсутствовал авторитетный центр для рабочих, не входящих еще в Компартию, но уже отошедших от буржуазии и социал-демократии.

Надежда некоторых товарищей „сразу"—одним прыжком поднять массы на вооруженное восстание, была неосновательной. Техническая подготовка,—мы имеем в виду организационный аппарат партии, вооружение рабочих, степень сплоченности красных сотен и т. д.,—оказалась совершенно минимальной.

С другой стороны, были недооценены технические и политические силы противника. Теперь уже выяснилось, что противник располагает, по крайней мере, полумиллионом вооруженных людей. Наряду с этим противник обнаружил гораздо большую политическую эластичность и приспособляемость, чем это можно было предположить, а германская социал-демократия оказалась еще ближе к контр-революционному лагерю, чем это было до сентябрьских событий.

Ошибки в назначении сроков, в оценке темпа у революционеров были и еще будут. Задача заключается в том, чтобы эти ошибки исправлять как можно скорей и вносить необходимые поправки.

Ошибка в оценке темпа событий была и в данном случае.

И тем не менее, основная оценка положения вещей в Германии, данная в октябре, остается правильной. Германская Коммунистическая партия ни в коем случае не должна снять с порядка дня вопрос о вооруженном восстании и завоевании власти. Напротив, этот вопрос

должен стоять перед нами во всей своей конкретности и неотложности. Как бы ни были велики частичные победы германской контр-революции, они не решают дела.

Со всей настойчивостью должно продолжаться вооружение рабочих, техническая подготовка решающих битв вообще. Красные сотни могут быть созданы—не на бумаге, а в действительности—только тогда, когда им сочувствует, когда их поддерживает вся рабочая масса. Для достижения этой поддержки и этого сочувствия необходимо, чтобы они развивались в ближайшей связи с повседневными частичными боями пролетариата. Только тогда, когда рабочая масса находит в красных сотнях защиту при демонстрациях и забастовках и во всех других столкновениях с буржуазными властями, — они могут рассчитывать на то, что масса будет помогать им всей душой в вооружении, в обучении, в разведке сил противника. Только тогда масса будет видеть в них свои ударные баталионы. Пример Гамбурга показал великое значение геройской борьбы коммунистических ударников, хотя и в Гамбурге поддержка со стороны массы была еще очень недостаточной.

После поражения русской революции 1905 года, меньшевики об'явили революцию конченной и похороненной. Большевики же говорили: об'ективные задачи революции не решены—придет вторая революция.

В этом коренном споре большевизм оказался правым. Вторая революция пришла и победила. В то же время в вопросе о сроке этой второй революции большевизм частные ошибки делал. Он ожидал нового восстания в 1906 и в 1907 годах. Ошибаясь в вопросе о темпе и сроке, большевизм не ошибся в основной оценке классовых сил.

Пролетарская революция в Германии неизбежна. Ближайший период, несомненно, принесет новое обострение революционного кризиса в Германии. Об'ективные задачи революции не разрешены. Все крупнейшие факторы, подведшие Германию вплотную к пролетарской революции, не только продолжают действовать, но и обостряются. Между русской революцией 1905 года и революцией 1917 года легло 12 лет. Со времени пер-

вой германской революции прошло уже 5 лет. Но темп развития ускорился. Совершенно несомненно, что до второй революции в Германии остаются не годы, а гораздо меньший срок. Уже вскоре после занятия Рура французскими войсками Коминтерн забил в набат и попытался приковать внимание всех секций к революционному кризису в Германии. Международные конференции в Эссене и во Франкфурте целиком были посвящены этим вопросам. В инструкциях Коминтерна этим конференциям говорилось прямо, что дело не в декларациях и воззваниях, а в том, чтобы систематически и упорно, легально и нелегально готовиться к решающим боям.

Коминтерну нечего раскаиваться в том, что в октябре 1923 года он ориентировал все свои секции на близость германской революции. При аналогичных условиях Коминтерн должен поступить таким же образом.

Не подлежит никакому сомнению, что развитие не только идет вообще по направлению к революции, но что уже в ближайшее время, вероятнее всего, еще нынешней зимой могут надвинуться крупнейшие бои германского пролетариата с германской буржуазией. Тактика германской Компартии и всего Коминтерна попрежнему должна строиться на том, что пролетарская революция в Германии есть вопрос ближайшего времени.

Переход германской Компартии с легального положения на нелегальное совершается с громадными трудностями, но в общем партия справляется со своими задачами. Жертвы велики, трудности необ'ятны, но уже теперь ясно, что никакому Секту не удастся надолго парализовать германскую Коммунистическую партию.

Тактика единого фронта нашла себе особенно серьезное применение в Германии. Сильные и слабые стороны этой тактики лучше всего проверяются германским опытом последнего времени. Чтобы вести секции Коминтерна по правильному пути, мы должны с особенным вниманием изучать опыты применения тактики единого фронта в развивающихся бурных событиях.

Сильные стороны тактики единого фронта получили наиболее блестящее подтверждение именно в Германии. На III-м Всемирном Конгрессе Коминтерна особенно

подробно обсуждались задачи Коммунистической партии Германии — в связи с тем поражением, которое потерпел германский пролетариат в мартовском восстании 1921 г. Именно тогда Коминтерном был выдвинут лозунг «к массам», именно тогда Коминтерн заявил германским коммунистам, что пока что дело идет не о борьбе за власть, а только о борьбе за завоевание большинства рабочего класса. После постановлений III-го Всемирного Конгресса германская Компартия приступила к особенно серьезному и систематическому проведению тактики единого фронта. Чем более планомерно проводилась эта тактика, тем большее замешательство начиналось в рядах с.-д., тем большее сочувствие получали мы в массах. Вся об'ективная обстановка в Германии благоприятствовала тактике единого фронта. И если через два с лишним года после этого постановления третьего Всемирного Конгресса, т. е. в течение сравнительно короткого срока, германская Компартия завоевала на свою сторону столь значительные слои германского пролетариата, то это, несомненно, об'ясняется тем, что германская Компартия правильно проводила за эти годы тактику единого фронта.

Пусть к октябрю 1923 г. мы не имели еще обеспеченного большинства в германском пролетариате, но уже одно то, что германские коммунисты, совсем еще недавно представлявшие собою небольшую горсточку людей, осенью 1923 г. могли серьезно ставить перед собой вопрос о том, не имеем ли мы уже обеспеченного большинства среди германского пролетариата,—показывает, что тактика единого фронта в первую стадию ее применения в Германии достигла цели. События в Германии складываются теперь так, что для прочного завоевания и закрепления большинства германского рабочего класса германской Компартии придется немало еще поработать. Но, во всяком случае, можно смело утверждать, что в первый период проведения тактики единого фронта, когда дело шло только о выполнении элементарной задачи завоевания на свою сторону передовых слоев пролетариата и освобождения их из-под влияния социал-демократии, германская Компартия действовала в общем правильно.

Критика, идущая из среды «левой» оппозиции, пытающейся опорочить тактику единого фронта вообще, насквозь неправильна. «Левые» товарищи иногда обвиняют большинство германской Компартии в том, что, проводя тактику единого фронта, она слишком ориентировалась на более отсталые слои пролетариата, идущие за социал-демократией. Этот упрек глубоко неправилен. Сущность тактики единого фронта в том и заключается, чтобы постепенно высвободить из-под влияния контр-революционной социал-демократии наиболее отсталые средние и арьергардные слои рабочих. Чтобы с успехом выполнить эту задачу, нельзя в приемах агитации не считаться с настроением и психологией именно этих отсталых слоев. В период второй половины 1921-го, всего 1922-го и первой половины 1923-го г.г. германская Коммунистическая партия с успехом применяла тактику единого фронта. Здесь, как нигде, с особенной наглядностью были иллюстрированы сильные стороны этой тактики.

* * *

Но события последних месяцев в той же Германии с такой же наглядностью показали, что велики опасности, связанные с проведением тактики единого фронта.

Напомним, что уже при первых формулировках тактики единого фронта Коммунистический Интернационал самым настойчивым образом указал всем партиям и на те опасности, с которыми связано проведение этой тактики. В первых же тезисах по вопросу о едином фронте, принятых Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала в конце 1921 г., мы писали:

— «Выдвигая намеченный план, Исполком Коминтерна указывает всем братским партиям и на те опасности, с которыми он при известных условиях может быть связан. Не все коммунистические партии достаточно сложились и окрепли, не все они окончательно порвали с центристской и полуцентристской идеологией. Возможны случаи перегибания палки в другую сторону,

возможны тенденции, которые на деле означали бы растворение коммунистических партий и групп в бесформенном едином блоке. Для того, чтобы с успехом для дела коммунизма провести намеченную тактику, необходимо, чтобы сами коммунистические партии, проводящие эту тактику, были сильны, сплочены и чтобы руководство отличалось идейной ясностью».

Чтобы еще больше пояснить свою мысль, Коминтерн в тех же тезисах продолжал:

— «В тех группировках внутри самого Коминтерна, которые с большим или меньшим основанием оцениваются как правые или даже полуцентристские, имеются, несомненно, тенденции двоякого порядка. Одни элементы действительно не порвали с идеологией и методами II Интернационала, не освободились от пиэтета пред его былой организационной мощью и полусознательно или бессознательно ищут путей идейного соглашения со II Интернационалом, а, следовательно, и с буржуазным обществом. Другие элементы, борясь против формального радикализма, против ошибок мнимой левизны и пр., стремятся придать тактике молодых коммунистических партий более гибкости, маневренности, чтобы обеспечить для них возможность более быстрого проникновения в толщу рабочих масс. Быстрый ход развития коммунистических партий всегда толкал внешним образом обе эти тенденции в один и тот же лагерь, как бы в одну и ту же группировку. Применение указанных нами методов, задачей которых является дать коммунистической агитации опору в об'единенных массовых действиях пролетариата, лучше всего обнаружит внутри коммунистических партий действительно реформистские тенденции и, при правильном применении тактики, чрезвычайно поможет внутренней революционной консолидации коммунистических партий, как путем перевоспитания на опыте нетерпимых или сектантски настроенных левых элементов, так и путем очищения партии от реформистского балласта».

Ту же мысль подчеркнул и четвертый Всемирный Конгресс Коминтерна в своей резолюции о рабочем правительстве. В этой резолюции мы читаем:

«При всех своих крупных преимуществах, лозунг рабочего правительства, как, впрочем, и вся тактика единого фронта, имеет тоже свои опасности. Чтобы избежать этих опасностей, чтобы уже сейчас бороться с иллюзиями яко-бы неизбежного этапа «демократической коалиции», — коммунистические партии должны помнить следующее: всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское, социалистическое правительство».

Это предостережение третьего и четвертого Всемирных конгрессов Коминтерна в высшей степени своевременно напомнить теперь, когда даже германская Компартия, одна из лучших партий Коминтерна, допустила крупные ошибки при применении тактики единого фронта.

Крупнейшая из таких ошибок, совершенных германской Компартией, есть ее поведение в Саксонии. Вхождение коммунистов в саксонское правительство понималось Коминтерном — и только так могло пониматься им—как специальная военно-политическая задача, которая имела целью облегчить революционному авангарду завоевание плацдарма для дальнейших боев, развязать непосредственную борьбу германского пролетариата за политическую власть во всей стране.

Если прямая военная задача непосредственно отодвинулась (ибо темп событий замедлился), то и в этом случае саксонские коммунисты могли и должны были сделать многое—и, прежде всего, следующее:

1. Ребром поставить вопрос о вооружении рабочих; в первые же часы своего участия в рабочем правительстве коммунисты не должны были знать никакой другой основной темы, кроме вопроса о вооружении пролетариата. Это было главным условием, которое выдвинул и Исполком Коминтерна во время своего совещания с немецкими товарищами, когда решался вопрос о вхождении коммунистов в саксонское правительство.

2. Коммунисты обязаны были с такой же силой выдвинуть немедленно вопрос о национализации крупной промышленности, о реквизиции буржуазных домов, бо-

гатых особняков для бездомных рабочих и их детей, об экстренных революционных мерах помощи безработным, о немедленном аресте фабрикантов, приступающих к саботажу производства и т. п.

3. Коммунисты обязаны были самым решительным образом оживить идею создания политических Советов рабочих депутатов.

4. Коммунисты обязаны были с первых же часов своего участия в так называемом рабочем правительстве открыто критиковать и пригвождать к позорному столбу бесхарактерность и контр-революционность левых с.-д. с Цейгнером во главе.

5. Коммунисты обязаны были поставить вопрос о разрыве с левыми с.-д., как только выяснилось, что эти последние не идут ни на одну решительную революционную меру.

Ничего этого сделано не было. Многое сделано было наоборот. Министры-коммунисты с чрезвычайной заботливостью твердили о том, что они стояли «на почве конституции» и не уставали повторять, что они «ответственны только перед ландтагом». Это придавало всей агитации партии совершенно не тот характер, какой она должна была носить. В результате получился не воинствующий коммунизм, а довольно ручная и лойяльная коммунистическая оппозиция «левых» с.-д. Вместо боевого эпизода, вместо революционной стратегии получилось банальное парламентское сотрудничество с «левыми» с.-д. Были моменты, когда партия или, по крайней мере, ее представители в «рабочем» правительстве превращались в пленников «левых» с.-д.

Саксонские «левые» с.-д., во главе с Цейгнером держали тесную связь с центровыми элементами социал-демократии. Эти последние, в свою очередь, шли и идут на поводу у правых с.-д., правые с.-д.—у Штреземана, Штреземан — у генерала Секта, а Сект — у откровенных фашистов. Такова непрерывная цепь.

Весь «саксонский» угол зрения оказался неверным. Партия преувеличила политическое значение саксонских эпизодов и недооценила решающее значение такого центра, как Берлин.

В самой Саксонии германская Компартия не сумела во-время перенести свою базу на фабзавкомы, т.-е. не сумела сорганизовать единство пролетарского фронта снизу путем об'единения фабзавкомов для противопоставления их в целом социал-демократическим вождям, готовившим измену. ЦК Компартии не видел, что в Саксонии мы имеем лишь таких «левых» с.-д. вождей, которые, в лучшем случае, готовы на парламентское сотрудничество с коммунистами, но что и там нет таких «левых» с.-д. вождей, которые готовы были бы рука об руку с коммунистами итти на вооруженную борьбу против буржуазии. В виду всех этих ошибок, конференция в Хемнице и дала неожиданные результаты.

Германская Компартия должна была ясно сознать те ошибки, какие были совершены во время саксонского опыта. Без этого правильная тактика партии в дальнейшем будет невозможна. Саксонский опыт окончательно дискредитировал «левых» с.-д. Он показал, что эти герои печального образа на деле являются слугами контр-революции. Но он же показал, что и в нашей партии существуют элементы, не понявшие тактики единого фронта и не умеющие ее применять по-революционному.

Руководящие слои германской социал-демократии являются в настоящий момент не чем иным, как фракцией германского фашизма с социалистической фразеологией. Это не преувеличение, это факт. Фашизм есть помесь чернейшей контр-революции с бесшабашной социальной демагогией. Частью этого «синтеза» и являются руководящие слои желтой социал-демократии. Постепенно вырождаясь, вся международная социал-демократия об'ективно становится не чем иным, как разновидностью фашизма, т.-е. одной из групп контр-революции, что не мешает значительным слоям рабочих с.-д. искренно считать себя социалистами. Разве может кто либо сомневаться в том, что итальянская с.-д., возглавляемая Туратти и Модильяни, в настоящий момент является не чем иным, как фракцией итальянского фашизма? Разве может кто-либо сомневаться в том, что, скажем, болгарская с.-д., возглавляемая Янко Сакызо-

вым, входящая в министерство фашиста Цанкова и берущая на себя самые палаческие функции в отношении рабочих и крестьян, является не чем иным, как фракцией болгарского фашизма? То же относится к германской с.-д. в нынешнюю стадию развития. Генералу Секту, который ничем серьезным от фашистов не отличается, вовсе не нужно было побеждать германскую социал-демократию. Германская социал-демократия сама породила генерала Секта, выдвинула его на то место, которое он теперь занимает, и является на деле его союзницей. В течение 5 лет, с октября 1918 года, когда власть после первой германской революции попала в руки так называемых «народных уполномоченных» (три с.-д. и три независимых с.-д.), германские социал-демократы и германские независимые (нынешняя «левая» с.-д.), в сущности говоря, ничего другого не делали, как постепенно на тормозах спускались в лагерь буржуазной контр-революции, сдавая власть фашистам. Ныне этот процесс близок к завершению. Законным наследником 1-го «революционного» правительства Шейдемана-Гаазе оказался не кто иной, как фашист, генерал Сект. Ноябрьская республика вскормила и вспоила фашизм. В обстановке, которая некоторыми своими чертами напоминала нынешнюю обстановку в Германии—на грани между двумя революциями—тов. Ленин говорил: Россия делится на три лагеря:

1) Черный правый (помещики и крупный капитал).

2) Колеблющийся центр, середина (мелкая буржуазия, кадеты и прочая «демократия»).

3) Левый лагерь (рабочие, часть крестьянства).

Большевизм хорошо отдавал себе отчет в том, что и внутри первого лагеря есть свои подгруппы, что, например, купцы из партии октябристов кое в чем отличаются от оголтелых черных помещиков из «Союза Русского Народа» (теперь сказали бы—фашистов), что между первым и вторым лагерями есть промежуточные группы и т. п. Но большевизм знал, что эти оттенки и детали не имеют решающего значения. Большевизм учил народ, и прежде всего рабочий класс, исходить из этого деления страны на три лагеря.

В основном так же должны поступать теперь коммунисты в Германии. Если говорить о широких массах населения, о миллионах и десятках миллионов людей, то и современная Германия распалась на три лагеря:

1) Черный, об'единяющий всю крупную, значительную часть средней буржуазии и богатейшую часть крестьян, на деле фашистский лагерь.

2) Широкие круги городской мелкой буржуазии, в том числе и значительную часть лучше обеспеченных рабочих, считающих еще себя социал-демократами.

3) Основное ядро городского пролетариата, сознавшего необходимость революционной борьбы.

Нет никакого сомнения в том, что черный лагерь в Германии и теперь пытается опереться на мелкий люд— и не без успеха. Отсюда вытекает важнейшая задача для Компартии систематически и упорно бороться за высвобождение разоренных и разоряющихся элементов мелкой буржуазии из-под влияния фашизма. Успех коммунистов в этой области обеспечен тем более, что фашисты ныне спасают капитализм не только за счет рабочих, но и за счет значительных слоев мелкой буржуазии.

Если рассматривать вещи в их динамике, то дело развивалось в Германии приблизительно так:

До конца сентября 1923 года мы наблюдали два полюса — первый и третий. Серединные, колеблющиеся элементы (второй лагерь) пытались найти средний путь, без потрясений, пытались спасти капитализм.

Поскольку дело идет о массах людей, такой второй, средний лагерь существует и сейчас. Но в руководящих партийных слоях с октября произошла перегруппировка: совершалась передвижка руководящих сил второго лагеря (с.-д. вождей) в первый лагерь. С.-д. вожди становятся простым прикрытием черного лагеря.

Классовое различие между Эбертом и Сектом, конечно, есть, и его нельзя забывать. Но Эберт об'ективно—слуга и пленник Секта. Эберты и Зеверинги не хотят и не могут вырваться из цепких об'ятий фашизма.

Единство политической цели у Эбертов и Сектов в данный период—вне сомнения.

Если говорить о верхушках, о политических руководящих группах, то первый и второй лагери в значительной мере теперь сливаются. Разумеется, между Гитлером, Людендорфом, Карром, Книлингом, Сектом — есть оттенки. Между Зеверингом — Эбертом есть оттенки, Шейдеманом—с одной стороны, и Сектом—с другой, тоже есть оттенки и частные разногласия. Эберты и Зеверинги пытаются еще опираться на демократические слои населения, в том числе и на часть наиболее обеспеченных рабочих. Но это все же только детали и нюансы. В главном они согласны между собой: их общая задача—удушить пролетарскую революцию в Германии.

О деталях и оттенках в лагере врага германские коммунисты не должны, разумеется, забывать, но самое важное—это, чтобы народ, чтобы рабочий класс понял суть дела. А суть заключается в том, что генерал Сект есть тот же фашист, что верхушка германской социал-демократии стала насквозь фашистской, что она на деле об'единилась с генералом Сектом, этим германским Колчаком, не на жизнь, а на смерть против рабочей революции.

Вот почему все отношение к социал-демократии должно быть пересмотрено. События последнего времени показали более, чем в достаточной степени, что руководящие слои с.-д. до конца останутся злейшими врагами рабочего класса и будут до последней минуты бороться против пролетариата по другую сторону баррикады. Германские коммунисты должны помнить, что и ноябрьская 1918 года буржуазная революция в Германии, низвергшая Вильгельма и утвердившая власть «демократической» буржуазии, произошла вопреки и против воли вождей германской социал-демократии. Вся тактика Эбертов и Шейдеманов была до самой последней минуты направлена на сохранение короны Вильгельма Второго. Тем более, Шейдеманы и Эберты, Вельсы и Мюллеры будут до конца бороться против надвигающейся пролетарской революции.

Еще опаснее, чем политика Шейдеманов и Эбертов, политика нынешней «левой» социал-демократии. Самый опасный враг пролетарской революции в современной

Германии—это так называемая «левая» социал-демократия. Это—последняя иллюзия с.-д. рабочих, это—последний исторический маскарад. Германские коммунисты должны помнить, что среди левых с.-д. в лучшем случае находятся герои типа Цейгнера, которые великодушно соглашаются на сотрудничество с коммунистами в «парламентских» рамках, но что таких «левых» с.-д., которые согласны были бы соединить свою судьбу с коммунистами для открытой борьбы с оружием в руках против буржуазии, не существует в природе. Откровенным предателям типа Носке и Эберта не верят даже рядовые рабочие с.-д. А «левым» с.-д., всем этим Розенфельдам, Криспинам, Цейгнерам и Леви, которые на деле являются только прикрытием для грязной контрреволюционной политики правых с.-д., продолжают еще верить значительные круги рабочих.

Настал момент, когда германская Компартия должна открыто на всю страну заявить, что она отказывается от кахих-бы то ни было переговоров и соглашений с ЦК. германской с.-д. Ибо с откровенными контр-революционными буржуа, которые сидят в этом ЦК, нам переговаривать не о чем. Либо в Германии победит фашистская буржуазия, и продажные вожди германской с.-д. партии, пойдя на службу к фашистам, будут продолжать расправляться с рабочими; либо победит германский пролетариат, и эта победа произойдет уж, во всяком случае, вопреки Центрального комитета германской с.-д. партии.

Наступил момент, когда германская Компартия должна открыто заявить, что она отказывается от каких бы то ни было переговоров и соглашений с центральной группой так называемых «левых» с.-д. до тех пор, пока эти герои не найдут в себе, по крайней мере, достаточно мужества для того, чтобы организационно порвать с контр-революционной бандой, засевшей в Центральном комитете германской с.-д.

Иные товарищи, принимая предложение об отказе переговоров с с.-д. верхами, пытаются мотивировать нынешний наш отказ от этих переговоров тем, что, дескать, победа фашистов над соц.-демократией уничтожила почву для частичных требований и тем самым

уничтожила-де базу для соглашений с верхами с.-д. Это—глубоко неверная постановка вопроса. Как раз наоборот. Если бы в самом деле мы видели на одной стороне победившую фашистскую реакцию, а по другую сторону баррикады—потерпевшую в борьбе с фашизмом социал-демократию,—то отсюда вытекало бы большое сближение коммунистов с социал-демократами для борьбы против общего врага—фашизма. Но в том-то и дело, что это не так. В том-то и дело, что руководящие слои германской социал-демократии сами стали фашистскими.

Разумеется, если говорить о программе с.-д., как она написана на бумаге, то генерал Сект, конечно, топчет ее ногами. Но эту программу с.-д. партии топчут ногами и сами вожди с.-д. А если взять действительные чаяния вождей германской социал-демократии, то они теперь не так уж далеки от режима генерала Секта. Главной задачей этих с.-д. вождей, их сокровенной целью является удушение пролетарской революции. Германскую Компартию об'являл нелегальной не только генерал Сект, но в свое время и с.-д. Носке. Да и теперь Сект действовал и действует заодно с Эбертом и К°.

События августа—октября 1923 года напугали вождей с.-д. еще больше, чем события 1918—19 г.г. «Кровавый призрак» социальной революции заставил их шарахнуться направо.

Как события октября - декабря 1905 года в России окончательно толкнули все руководящие элементы «демократического либерализма» (Струве, Милюков), к царизму, так события августа - октября 1923 года в Германии толкнули верхи германской социал-демократии (Эберт, Шейдеман) к поддержке диктатуры генерала Секта.

Единство снизу. Вот к чему подвела нас в Германии вплотную тактика единого фронта.

Уже в первых тезисах Коминтерна (декабрь 1921 г.) мы писали, напоминая братским партиям опыт русских большевиков:

«В противовес дипломатической игре вождей меньшевиков русские большевики выдвинули лозунг «един-

ства снизу», т.-е. единства самих рабочих масс в практической борьбе за революционные требования рабочих против капиталистов. Практика показала, что это был единственный правильный ответ. И в результате этой тактики, которая видоизменилась, в зависимости от обстоятельств, времени и места, громадная часть лучших рабочих-меньшевиков постепенно была завоевана на сторону коммунистов».

Наступил момент, когда германская Компартия должна исправить ошибку, должна суметь воплотить в жизнь лозунг единства снизу. Среди рабочих, входящих еще в германскую с.-д. партию, происходит небывалое по интенсивности брожение. Рабочие с.-д. ищут новых путей и видят банкротство с.-д. вождей. Решительно отказываясь от каких бы то ни было переговоров с контр-революционной верхушкой, мы, разумеется, не имеем никаких оснований отказываться от локальных переговоров и соглашений с с.-д. рабочими во всех тех местах, где перед нами честные пролетарии, искренно ищущие правильной дороги и готовые на деле доказать свою преданность революции.

Одним из моментов, облегчающих возможность действительного проведения единства снизу, является нынешнее внутреннее состояние германской социал-демократии. Не будет преувеличением сказать, что германская с.-д. в настоящее время фактически является конгломератом плохо связанных друг с другом местных организаций с радикально различной политической ориентацией. Действительную роль Центрального комитета партии фактически выполняет парламентская фракция; но именно эта парламентская фракция с.-д. более всего скомпрометирована в глазах рядовых членов партии. Чтобы быть формально последовательными до конца, мы должны были бы требовать от каждой местной организации с.-д., как предварительного условия, заключения с нами единого фронта и разрыва с Центральным комитетом германской с.-д. партии. В настоящий момент это, как правило, однако, невозможно. Уже тот факт, что данная местная с.-д. организация входит в серьезное соглашение с Компартией и начинает вместе с ней борьбу против существующего режима,

означает на деле разрыв с контр-революционной верхушкой германской социал-демократии.

Но для того, чтобы провести эту тактику локальных соглашений и единства снизу, необходимо, чтобы сама германская Компартия сознала совершенные ошибки. Не исправив этих ошибок, мы рискуем скомпрометировать тактику единого фронта, которая была и остается верной на целый период.

Единство снизу—этот лозунг ни в коем случае не следует понимать слишком механически. Единство снизу тоже требует организованности и планомерности. Этот лозунг надо уметь защищать не только на общих собраниях рабочих, не только перед массами, но уметь организованно и планомерно проводить на делегатских собраниях, в отдельных профсоюзах, в фабрично-заводских комитетах, в рабочих центрах отдельных округов и городов. Начиная «снизу», надо уметь систематически развивать дело дальше, к одному звену прибавлять другое с тем, чтобы, в конце концов, получить единство рабочих масс в таком масштабе, какой только и может обеспечить победу.

* * *

Ошибки при проведении тактики единого фронта были неизбежны. Мы видели эти ошибки в целом ряде стран. Во Франции в начале 1922 года значительная часть партии не понимала тактики единого фронта и искренно опасалась, что эта тактика означает идейную уступку социал-демократии. В Англии часть товарищей вначале понимала тактику единого фронта так, что в этой тактике делала неправильный вывод о том, что будто коммунисты не должны критиковать оппортунистическую Рабочую Партию в парламенте. В Финляндии делались неправильные выводы, примерно такого же характера. В Румынии часть товарищей искренно считала, что тактика единого фронта сводится к парламентскому сотрудничеству с правыми социал-демократами. Итальянская Коммунистическая партия долгое время делала ошибку противоположного характера и не умела проводить (отчасти не умеет и сейчас) тактику единого

фронта для разоблачения итальянской с.-д. Ряд других партий вначале понимал эту тактику слишком механически и считал, что достаточно раз в месяц писать шаблонное открытое письмо социал-демократам, а затем забывать о нем, не умел вести актуально-политической борьбы в связи с тактикой единого фронта и т. д.

И тем не менее, мы полагаем, что плохое выполнение еще не означает, что сама идея неверна. Неверное проведение тактики единого фронта, в особенности вначале, в целом ряде стран, не означает, что сама тактика неверна. Разве не то же самое видели мы, например, с идеей революционного парламентаризма! Тактика революционного использования парламентаризма была и остается совершенно правильной. А практическое проведение этой тактики давалось, а отчасти еще и теперь дается, нам с большим трудом. Но это вовсе не значит, что правы те, которые в принципе отрицают революционный парламентаризм. То же, в еще большей степени, относится к тактике единого фронта.

Нужно только, чтобы все коммунисты ясно отдавали себе отчет в том, чем является тактика единого фронта и чем она должна быть. Нужно раз навсегда понять, что для Коминтерна тактика единого фронта была и остается только методом агитации среди рабочих, доверяющих еще социал-демократии, а также среди революционно-настроенных рабочих вообще (в том числе беспартийных)—методом, приспособленным именно к данной эпохе. И только. Надо раз навсегда распроститься с мыслью о том, что тактика единого фронта есть нечто большее, именно, что она будто бы рассчитана на возможность более или менее длительного союза коммунистов с социал-демократами, союза, долженствующего осуществить в рамках демократии на целый переходный период рабочее правительство и т. п. От этой последней иллюзии, поскольку она еще была кое-где, необходимо отказаться раз навсегда.

Когда мы говорим о революционной агитации, мы, разумеется, не противопоставляем ее задачам революционной организации и борьбы. Одно связано с другим.

Тактика единого фронта, разумеется, включает в себя искреннюю готовность коммунистов к совместным действиям с социал-демократами всякий раз, когда эти последние готовы, хотя бы в самых элементарных вопросах, на деле бороться против буржуазии. Врозь итти, вместе бить—мы готовы всегда.

Лозунг «рабочее правительство» (или рабоче-крестьянское правительство) был и остается превосходным агитационным лозунгом. Лучше, чем какой-либо другой, он приспособлен для того, чтобы мобилизовать вокруг коммунизма не только пролетарский авангард, но и те средние слои рабочих, которые еще стоят между нами и соц.-демократами, а при благоприятных условиях—арьергардные слои тяжелой пролетарской пехоты. Но было бы величайшим несчастьем для международного рабочего движения, если бы мы вызвали в рабочем классе иллюзию, будто рабочее (или рабоче-крестьянское) правительство действительно может быть завоевано мирным парламентским путем, в результате соглашения с социал-демократическими вождями. Во всех главнейших странах Европы положение вещей таково, что если бы даже социал-демократы—чего никак нельзя ожидать от них—все, как один, вздумали перейти на сторону рабочих, то и в этом случае мирный исход из кризиса был бы невозможен. Та же социал-демократия в течение ряда лет делала и сделала все возможное и невозможное для того, чтобы укрепить диктатуру буржуазии, которая теперь настолько сильна, что нигде не уступит власть под влиянием мирных «демократических» воздействий. А вместе с тем, вожди социал-демократии не только не думают переходить на сторону борющегося пролетариата, но, напротив, с каждым годом становятся все более решительными сторонниками буржуазной контр-революции и, наконец, докатились до того, что стали крылом фашизма.

Диктатура буржуазии должна быть сменена диктатурой пролетариата, руководимого коммунистической партией,—вот чему должны мы учить рабочих. Систематически, неуклонно, пользуясь каждым подходящим примером, каждым крупным эпизодом гражданской войны, в особенности, такими крупными событиями, как

в Германии, Коминтерн должен раз'яснять самым широким кругам рабочих, что надежда на какой-то мирный переход к рабочему (или рабоче-крестьянскому) правительству в рамках демократии невозможна. Мы должны об'яснить рабочим, что единый фронт всех пролетариев в значительной степени облегчит борьбу и увенчает ее победой, но ни в коем случае не заменит борьбу гладкой, мирной, демократической безболезненной эволюцией. Тактика единого фронта есть тактика революции, а не эволюции. Эта тактика хороша только тем, что она обеспечивает успех революции, а вовсе не тем, что она заменяет ее мирной эволюцией.

Тактика единого фронта, как метод агитации среди широких слоев рабочих, разумеется, приспособлена к определенной эпохе, именно к той эпохе, когда коммунисты почти во всех важнейших странах рабочего движения еще находятся в меньшинстве, когда непосредственных революционных битв пока не происходит. По мере перемены обстановки придется и приходится модифицировать применение тактики единого фронта. Да и теперь в важнейших странах практическое проведение этой тактики должно быть различным. Чтобы взять хотя бы один пример, укажем на то, что модификация тактики единого фронта, намеченная выше для Германии, совсем не подходит в данный момент, например, для Польши. Секции Коминтерна должны научиться, под общим контролем Исполнительного Комитета Коминтерна, проводить тактику единого фронта применительно к конкретной обстановке в каждой данной стране.

События в Болгарии, Польше и Германии, разыгравшиеся в сентябре-ноябре 1923 года, несомненно являются началом новой главы в истории международной революции. По мере того, как борьба будет разгораться и принимать более решающий характер, нам придется еще не раз модифицировать применение тактики единого фронта в отдельных странах. Придет время,—оно недалеко,—когда мы увидим громовый крах целых, ныне еще больших социал-демократических партий, когда амстердамские профсоюзы будут целиком пере-

ходить на нашу сторону, или, упорствуя в своем предательстве, будут лопаться на наших глазах, как мыльные пузыри, когда целые слои социал-демократических рабочих будут массами переходить на нашу сторону. Тактика единого фронта приближает этот момент. А когда он наступит, мы должны будем, разумеется, сделать вытекающие из этого тактические выводы.

Отдельные робкие попытки «левых» коммунистов воспользоваться ошибками, имевшими место даже в лучшей из секций Коминтерна—в германской, для того, чтобы ликвидировать самую тактику единого фронта, должны встретить решительный отпор. Тактика единого фронта была и остается правильной, несмотря на ошибки, совершенные даже в Германии. Коминтерн не может допустить до того, чтобы вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка. Наша задача в том, чтобы на совершаемых ошибках учиться не делать их в дальнейшем, а ни в коем случае не в том, чтобы помножать эти ошибки на новые, еще большие, промахи.

Исполком Коминтерна глубоко уверен в том, что германская Компартия, накопляющая теперь с каждым днем величайший политический опыт, сумеет быстро преодолеть сделанные ошибки и выйти на правильную дорогу.

Исполком Коминтерна считает, что нет никаких оснований для пессимизма в оценке германских событий. Истинные революционеры, настоящие коммунисты не пугаются трудностей, не колеблются при первых поражениях. Задача, стоящая перед германской Компартией, поистине грандиозна. Она, а не кто другой, должна вести в бой 15 - 20 - миллионный германский пролетариат. Бои, которые в ближайшем будущем развернутся в Германии, решат судьбы не только германского, но и всего европейского пролетариата. Коммунисты всего мира с величайшими симпатиями следят за героической борьбой германской Компартии, которая ведет теперь свою борьбу при режиме белого террора под градом пуль и осыпаемая ударами из-за угла, со стороны предательской социал-демократии. Братская поддержка со стороны Коминтерна в целом и отдельных его секций вполне обеспечена германской Компартии.

Уроки германских событий.

ИККИ считает основной задачей германской Компартии—сплочение центрального ядра с левой против оппортунистических ошибок правой. Документ дает историческую оценку тактики единого фронта и значения ее для современной Германии.

На ряду с историей октябрьского отступления и его причин, мы находим критику тактических ошибок и оценку организационно-политических промахов и неправильного определения сил контр-революции.

Вхождение в саксонское правительство не соответствовало директивам Коминтерна. Уроки Гамбурга.

Компартия должна базировать свою агитацию на диктатуре пролетариата, стремиться к политическому уничтожению соц.-демократической партии и к вооружению рабочих. Сохранение единства является абсолютным требованием Коминтерна.

Настоящий документ, имеющий большое значение для всего Коминтерна, выработан на совещании ИККИ с представителями ЦК КПГ.

В ЦК КПГ произошла серьезная политическая перегруппировка сил на основе пережитого политического кризиса. Выкристаллизировалась правая (т. Брандлер), получившая, однако, ничтожное меньшинство в ЦК (2 голоса из 27). Далее создалось компактное направление, пред-

ставляющее собою в настоящий момент ядро партии (17 голосов в ЦК). И, наконец,—старая левая: Берлин—Гамбург.

ИККИ стал на ту точку зрения, что в настоящий момент необходимо полное сплочение центрального ядра с левой против оппортунистических ошибок правой. Начало этого сплочения и достигнуто в печатаемом документе, на котором,—при содействии ИККИ,—об'единились оба эти течения, представляющие $0,_{99}$ всей германской Компартии.

За эту резолюцию голосовали все находящиеся в Москве представители секций Коминтерна (в том числе польские коммунисты).

В последнюю минуту и единомышленники т. Брандлера присоединились в основном к резолюции, внеся особую декларацию.

ИККИ уверен, что сплочение центрального ядра с левой против оппортунистических ошибок правой поможет германской Компартии правильно разрешить стоящие перед ней великие задачи. Какие бы то ни было проявления фракционности, откуда бы они ни шли, ИККИ будет преследовать самым суровым образом.

Г. З.

События в Германии, Польше, Болгарии, разыгравшиеся в период май ноябрь 1923 г., являются началом новой главы в истории международного движения.

В Германии пролетарская классовая борьба, в связи с развитием рурского кризиса, перешла из фазы постепенного собирания революционных сил в новую фазу, в которой дело идет о борьбе за власть.

Совершившийся в августе - сентябре исторический поворот и происшедшие в течение осени события имеют в виду большого значения германского революционного движения величайшую важность для Коммунистического Интернационала. Уроки и выводы из накопленного в связи с этим опыта должны быть, поэтому, основательнейшим образом использованы всем Коммунистическим Интернационалом.

Так как при тактической оценке этих событий необходимо строго придерживаться основных принципов Коминтерна, то Исполком считает нужным еще раз конкретно охарактеризовать здесь тактику единого фронта, этот как в принципиальном, так и в практическом отношении самый значительный в современную эпоху тактический метод Коминтерна.

I. Тактика единого фронта.

На III Всемирном Конгрессе Коммунистического Интернационала задачи КП Германии в связи с поражением в марте 1921 г. обсуждались особенно подробно и нашли свое выражение в лозунге: «к массам». В декабре того же года методы завоевания масс были конкретизированы в постановлениях Исполкома о тактике единого фронта.

В Германии Компартия немедленно же приступила к серьезному проведению тактики единого фронта. Вся об'ективная обстановка в Германии благоприятствовала этому. Работа партии привела к большим успехам, завоевывая ей все больше симпатий в массах и внося разложение в ряды социал-демократии.

Ряд наших секций стал применять тактику единого фронта лишь постепенно, преодолевая всяческое сопротивление и совершая большие ошибки.

Во Франции в 1922 г. значительная часть партии не понимала смысла тактики единого фронта и искренно опасалась, что эта тактика означает идейную уступку социал-демократии.

В Англии часть товарищей неправильно поняла тактику единого фронта, сделав из нее тот ложный вывод, будто коммунисты не должны критиковать в парламенте оппортунистическую Рабочую Партию. В Финляндии также делались неверные выводы, примерно подобного же характера. В Румынии часть товарищей искренно думала, что тактика единого фронта сводится к парламентскому сотрудничеству с социал-демократами.

Коммунистическая партия Италии долгое время совершала ошибку противоположного характера, воз-

держиваясь от широкого применения тактики единого фронта из боязни, что эта тактика отразится на программной теоретической чистоте коммунистического движения.

В то же время целый ряд других партий усвоил эту тактику слишком механически и считал, что достаточно раз в месяц писать социал-демократам шаблонное открытое письмо, а затем забывать о нем; они не умели на основе тактики единого фронта вести актуально-политическую борьбу.

Неверное проведение тактики единого фронта в целом ряде стран, в особенности вначале, не означает однако, что сама тактика ошибочна. Такой вывод был бы так же ложен, как ложен отказ от тактики революционного использования парламента только потому, что отдельным парламентским фракциям проведение этой тактики давалось с большим трудом. Тактика единого фронта сама по себе была и остается верной, вне зависимости от преходящих ошибок.

Тактика единого фронта имеет свои сильные стороны и свои опасности.

Пусть к октябрю 1923 года мы не имели еще на своей стороне несомненного большинства германского пролетариата, но уже одно то, что молодая коммунистическая партия осенью 1923 года могла серьезно ставить вопрос о том, не имеет ли она за собой большинства для захвата власти, показывает, что тактика единого фронта способна создать важнейшие предпосылки для захвата власти и завоевать большинство рабочего класса на сторону пролетарской революции. Если при этом коммунистические партии вынуждены считаться с психологией и настроениями отсталых масс, то это отнюдь не доказательство неправильности самой тактики, а лишь источник опасности при ее применении.

Уже в первых тезисах Исполкома от декабря 1921 г. настойчиво указывалось на опасности, с которыми связано проведение тактики единого фронта: «Не все коммунистические партии достаточно сложились и окрепли, не все они окончательно порвали с центристской и полуцентристской идеологией. Возможны случаи перегибания палки в другую сторону, возможны тенденции,

которые на деле означали бы растворение коммунистических партий и групп в бесформенном едином блоке. Для того, чтобы с успехом для дела коммунизма осуществлять намеченную тактику, необходимо, чтобы сами коммунистические партии, проводящие эту тактику, были сильны, сплочены и чтобы руководство отличалось идейной ясностью.

IV Всемирный Конгресс также указывал на опасности, которые связаны как с проведением тактики единого фронта вообще, так и в особенности лозунга рабочего правительства. Так, Конгресс заявил: «Чтобы избежать этих опасностей, чтобы уже сейчас бороться с иллюзиями якобы неизбежного этапа «демократической коалиции», коммунистические партии должны помнить следующее: всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское социалистическое правительство».

Это предостережение Конгресса в высшей степени своевременно напомнить именно теперь, после германских событий, так как даже КПГ, наиболее зрелая после русской секции партия Интернационала, допустила при проведении тактики единого фронта крупные ошибки.

Необходимо, чтобы коммунисты во всех странах теперь совершенно ясно дали себе отчет в том, чем должна и чем не должна быть тактика единого фронта: это — тактика революции, а не эволюции. Как рабочее (и рабоче-крестьянское) правительство не может быть для нас прочной демократической переходной стадией, так и тактика единого фронта не есть демократическая коалиция, не есть союз с социал-демократией. Она есть только метод революционной агитации и мобилизации. Всякое иное толкование этой тактики мы отметаем как оппортунистическое.

Это необходимо твердо помнить, и только тогда тактика единого фронта будет иметь для Коммунистического Интернационала смысл и сможет служить цели завоевания основной массы пролетариата для дела революционной борьбы за власть. Тактика единого

фронта, как метод агитации среди широких слоев рабочих, разумеется, приспособлена к вполне определенной эпохе, именно к такой эпохе, когда коммунисты почти всех решающих для рабочего движения стран находятся еще в меньшинстве. По мере изменения конкретной обстановки придется видоизменять и способы применения тактики единого фронта. Да и теперь уже проведение этой тактики должно быть различно в различных странах. По мере того, как борьба будет разгораться и принимать все более решающий характер, нам придется еще не раз видоизменять в различных странах характер применения тактики единого фронта. Наступят времена, когда целые, пока еще крупные, социал-демократические партии потерпят крах и, упорствуя в своем предательстве, будут лопаться на наших глазах как мыльные пузыри; времена, когда целые слои социал-демократических рабочих будут массами переходить на нашу сторону. Тактика единого фронта содействует этому процессу и ускоряет его.

II. Революционный кризис в Германии.

Вскоре после оккупации Рурской области французскими войсками Исполком Коммунистического Интернационала забил в набат и попытался приковать внимание всех секций к надвигающемуся революционному кризису в Германии. Эссенская и франкфуртская международные конференции были посвящены этим вопросам.

О том, что в Германии нарастает новая революционная волна, говорили огромные стачки и борьба на Руре в мае - июне, забастовки в верхней Силезии, забастовка металлистов в Берлине, бои в Эрцгебирге, в Фогтланде и массовая политическая стачка августа 1923 года, повлекшая за собой падение правительства Куно.

Стремительное обострение положения выражалось в росте дороговизны, в инфляции, в чудовищном налоговом бремени, в кризисе парламентаризма, в последовавшем за слабым пока еще наступлением пролетариата усиленном контр-наступлении капитала, в кризисе

продовольственном, в снижении заработной платы, в постепенном сведении на нет социальных завоеваний рабочего класса, затем в росте сепаратистских и партикуляристских движений, в возрастающем обнищании старого и нового среднего сословия, в утрате влияния демократическими, серединными партиями. Все тяготы, связанные с сопротивлением на Руре, были переложены на пролетариат и все более пролетаризировавшиеся средние слои. Обострение классовых противоречий быстро шло нога в ногу с распадом германского капиталистического хозяйства, оторванного от своих опорных пунктов.

Во многих провинциях люди, вооружившись, сотнями отправились на поля за продовольствием. Широкие средние слои, впав в отчаяние, колебались между двумя полюсами, указывавшими выход из положения—между коммунистами и фашистами. В больших городах дело беспрестанно доходило до грабежей, разгромов, голодных демонстраций и кровавых столкновений.

В месяцы, предшествовавшие зиме 1923 года, соотношение классовых сил в Германии неуклонно изменялось в пользу пролетарской революции. 18-20 миллионов пролетариев с самого начала рурской оккупации оставались чуждыми каким бы то ни было националистическим настроениям. Среди 6-7 миллионов городской мелкой буржуазии и 4-5 миллионного мелкого крестьянства, хуторян и арендаторов происходило глубокое брожение.

Политика демократических коалиций потерпела явное банкротство. Социал-демократия, разделявшая с буржуазными демократическими партиями правительственную власть, должна была решить для себя вопрос, идет ли она на заключение тесного блока с представителями тяжелой промышленности и реакционной военщины. И она, действительно, пошла на это.

Перед Компартией Германии стояла и теперь стоит задача—использовать период международных осложнений, вызванных рурским кризисом, внутренний, неслыханно тяжелый кризис германского капитализма и происходящую ликвидацию рурского кризиса для свержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры.

Для этой цели партии предстояло мобилизовать промышленный пролетариат на борьбу против тяжелой индустрии и в то же время против французского империализма. Вместе с тем, ей предстояло, по меньшей мере, нейтрализовать средние слои города и деревни, а по возможности, и подчинить их своему руководству.

Первую задачу можно было разрешить, лишь высвободив преобладающую массу пролетариата из-под влияния социал-демократов всех мастей и организовав ее так, чтобы она была готовой к штурму капиталистических позиций.

Задача эта разрешена была в недостаточной мере, причины чего будут рассмотрены ниже.

Вторая задача в основном означала разгром влияния фашистов, преобразование националистических настроений в стремление вести борьбу против германских крупных капиталистов в союзе с пролетариатом и, тем самым, против французских империалистов. За эту задачу германская Компартия принялась с успехом, лучшим показателем чего является антифашистский день 29 июля 1923 года. Широкие слои мелкобуржуазного населения уже тогда питали симпатии к ГКП, которой в значительной степени удалось уяснить этим слоям лицемерие «социальной» пропаганды фашистов, их об'ективную роль пособников крупной буржуазии, предающих им нацию, и совпадение интересов мелкой буржуазии с интересами пролетариата.

Разложение в лагере буржуазии росло с каждой неделей. Росло и доверие к Компартии. Надо было организовать это доверие и подготовить все силы для решительного удара.

ГКП и Исполком в совещаниях с представителями пяти самых больших партий, в сентябре, пришли к заключению, что революционный кризис в Германии назрел в такой степени, что решающее столкновение является вопросом немногих недель.

С этого момента партия начала мобилизацию всех находящихся в ее распоряжении сил и стала энергично готовиться к решающей борьбе. Партия лихорадочно работала над тем, чтобы сделать всех, вплоть до по-

следнего своего члена, активными борцами, готовыми к решительной борьбе. Интенсивная работа проводилась среди железнодорожников, рабочих электростанций, городских и коммунальных рабочих.

Исполком Коминтерна ориентировал весь Интернационал, особенно секции соседних с Германией стран и Советской России, на близость германской революции и, совместно с отдельными секциями, опредедил их задачи.

III. Октябрьское отступление и его причины.

Несмотря на все свои слабые стороны, германская Компартия в октябре сознательно готовилась к революционной борьбе за власть. Если, несмотря на революционную ситуацию и на все старания КИ и ГКП, дело не дошло ни до решительного революционного боя, ни до массовой политической борьбы, то причиной тому была совокупность всех ошибок и недочетов, отчасти выражавшихся и в оппортунистических уклонах.

Недочеты в оценке революционного хода событий.

Зрелость революционной ситуации в Германии партия учла слишком поздно. Исполком Коминтерна, со своей стороны, не привлек достаточно энергичным образом ее внимания к приближающейся развязке, так что важнейшие приготовления к борьбе были начаты с опозданием.

Выдвинуть вопрос о захвате власти и начать техническую подготовку следовало уже в исходе предшествовавшего периода (правительство Куно, оккупация Рура). Партия не оценила во-время значения массовых движений в Рурской области и в Верхней Силезии, не разглядела в них признаков крепнущего классового сознания и растущей политической активности. Только после забастовки против Куно она приступила к соответствующей перестройке своих рядов.

Тактические ошибки.

Задача усиления многочисленных частичных выступлений с июля по сентябрь, их умножения и заострения на политических лозунгах осталась невыполненной.

После забастовки против Куно была совершена ошибка, выразившаяся в стремлении сдержать и отодвинуть массовые стихийные движения до решительного боя.

Одна из тягчайших ошибок заключалась в том, что стихийному возмущению масс не ставились политические цели, которые систематически превращали бы это возмущение в сознательную революционную волю к борьбе.

Партия не проводила энергичной, живой агитации за политические Советы рабочих депутатов и не связывала переходных требований и частичных стычек с конечной целью: установлением диктатуры пролетариата.

Недостаточность внимания, уделенного движению фабзавкомов, лишила возможности временно возложить на них роль Советов рабочих депутатов, так что в решительные дни отсутствовал авторитетный центр, вокруг которого могли бы собраться колеблющиеся рабочие, сбросившие с себя опеку социал-демократии.

Так как и другие органы единого фронта (комитеты действия, контрольные комиссии, боевые комитеты) не были планомерно использованы для политической подготовки борьбы, то последняя воспринималась не как борьба всего пролетариата, а лишь как выступление одной партии.

Организационно-политические промахи и недочеты.

Партия в весьма малой степени проявила умение организационно закреплять в массовых организациях пролетариата свое возрастающее влияние. Еще меньше она сумела концентрированно направлять свои силы в течение более длительного срока на одну ударную задачу.

Техническая подготовка: перестройка аппарата на борьбу за власть, вооружение, степень внутренней сплоченности сотен и т. д., оказалась минимальной. Слишком кратковременная и проделанная наспех техническая подготовка практически почти ничего не дала. Она подготовила сознание членов партии к выступлению, но не захватила широкие пролетарские массы.

Ошибки в оценке соотношения сил.

Горячка технической подготовки в течение решающих недель, отношение к выступлению, как к делу только одной нашей партии, и ориентация только на «решающий удар», без предшествовавших ему нарастающих частичных схваток и массовых движений, помешали определить действительное соотношение сил и сделали невозможным целесообразное установление сроков. Поэтому и учет того, идет ли большинство рабочего класса в решающих пунктах за ГКП, был заменен нереальными, гадательными расчетами. В действительности, можно было констатировать лишь то, что партия идет к завоеванию большинства на свою сторону, но еще не имеет в своих руках руководства этим большинством.

Недооценка сил контр-революции в особенности выразилась в том, что партия недостаточно учла роль социал-демократии как тормозящей силы в пролетариате.

Партия не распознала характера и роли левых соц.-дем. вождей и даже допустила возникновение в своих собственных рядах иллюзии, будто соответствующим нажимом масс на этих вождей можно было заставить их вместе с нами провозгласить борьбу.

Неправильная политически-стратегическая ориентировка на Саксонию.

Однобокая, негибкая ориентация — к решительному бою переходить только от обороны средне-германских позиций—была неправильной. Она привела к пренебрежению другими важными промышленными областями и плацдармами и, после сдачи без боя саксонских позиций, стала

причиной сильной дезориентации. Роковой ошибкой являлось то, что партия до такой степени все без остатка поставила на саксонскую карту, что не попыталась даже обеспечить себя на случай неудачи и подготовить линию отступления и другой, резервный, план наступления.

Результатом всех этих ошибок и недостатков партии и слабости рабочего класса было уклонение в последний момент от решительной схватки в борьбе за власть. В то время, как в Болгарии, где партия раньше не втягивалась в вооруженную борьбу, поражение может стать залогом будущих побед, в Германии, после январского поражения 1919 г. и мартовского поражения 1921 года мы находились уже в таком положении, когда коммунисты должны уметь вести массы к победе.

Во всяком случае, грубой ошибкой было то, что партия не сумела тотчас же переменить курс, перестроившись на частичные бои, что она, несмотря на некоторую подготовку, отступила без боя перед вступлением рейхсвера, перед введением во всей стране осадного положения и перед подавлением партии.

IV. Саксонский опыт и гамбургская борьба.

Обострение классовых противоречий в Германии, обострение экономического кризиса, ориентация партии на решительную борьбу—побудили в октябре Исполком Коминтерна и ГКП сделать опыт вхождения коммунистов в саксонское правительство.

Вхождение в саксонское правительство понималось Исполкомом, как специальная военно-политическая задача, следующим образом изложенная в одной инструкции:

> «Так как, по нашей оценке положения, решающий момент наступит не позже, чем через четыре-пять-шесть недель, то мы считаем необходимым немедленное занятие каждой позиции, обладание которой может оказаться непосредственно полезным. Учитывая положение, мы считаем, что при данных условиях следует практи-

чески поставить вопрос о нашем вхождении в саксонское правительство. При условии, что цейгнеровцы готовы действительно защищать Саксонию против Баварии и фашистов, нам следует войти в правительство, на деле провести вооружение 50-60 тысяч, игнорировать генерала Мюллера. То же самое и в Тюрингии».

При таких предпосылках это вхождение в правительство отвечало бы постановлениям IV Конгресса. Развязывание революционной борьбы, сплочение рабочих масс должно было бы быть предпосылкой для вступления в саксонское правительство: входить в правительство следовало, только опираясь на массовое движение. Если и приходилось откладывать выполнение непосредственной военной задачи в результате замедления темпа революционного процесса, то коммунисты и в этом случае могли и должны были развернуть подлинно революционную активность, а, между тем, они обнаружили печальную несостоятельность.

В первую голову коммунисты обязаны были ребром поставить вопрос о вооружении рабочих. В первые же часы своего участия в правительстве коммунисты не должны были знать никакой другой основной задачи, кроме вопроса о вооружении пролетариата.

Помимо того, они были обязаны всеми силами развертывать перед массами свою пролетарскую программу спасения страны и вести пропаганду идеи создания политических советов рабочих депутатов, дабы противопоставить эти средства саботажу лево-социалистических министров. Равным образом, они обязаны были нажимать на парламент и фабзавкомы в направлении немедленного принятия революционных мер: отобрания предприятий у фабрикантов, саботировавших производство, реквизиции буржуазных домов, богатых особняков для бездомных рабочих и их детей и т. п.

Одновременно с этим коммунисты обязаны были с первых же часов своего участия в правительстве клеймить перед лицом самых широких масс двуличное поведение Цейгнера, его закулисные переговоры с военными диктаторами и всю контр-революционность лево-социал-демократических вождей.

Благодаря тому, что этого не было сделано, и в связи с тем, что партия не сумела мобилизовать массы, саксонский эпизод не стал боевым этапом: вместо революционной стратегии получилось нереволюционное парламентское сотрудничество с «левыми» социал-демократами. Специальная ссылка министров-коммунистов на их «ответственность исключительно перед ландтагом и конституцией» отнюдь не могла способствовать изживанию демократических иллюзий в массах.

Лишь при напряженной революционной работе всех партийных органов в целом, Хемницкая конференция могла бы дать плодотворные результаты для партии. Партия фактически позволила застать себя врасплох удару противника,—заранее предрешенному имперскому военному воздействию на Саксонию. Тем большей ошибкой было то, что, хотя и заранее имелось в виду предложить об'явление всеобщей стачки, даже не было сделано попытки еще до ее открытия дать Хемницкой конференции курс исключительно на решительное сопротивление имперскому воздействию. Все это были промахи, безусловно облегчившие предательскую игру лево-социал-демократических вождей.

Противоположным Саксонии полюсом является гамбургское восстание. Оно показало, что, при стремительном, смелом выступлении исполненных решимости ударных отрядов, противник может быть в военном отношении взят с наскока. Но одновременно оказалось, что даже и в том случае, когда, как в Гамбурге, население относится к борьбе не без сочувствия, и она опирается на массовое движение, подобная вооруженная борьба обречена на неуспех, если она остается изолированной и не опирается на месте на советы, отсутствие которых дало себя особенно остро почувствовать в Гамбурге.

Борьба во всей стране тормозилась взаимно противоречивыми распоряжениями центра, и даже начавшиеся было стачки были сорваны благодаря отсутствию сведений о ходе борьбы в других частях государства и в связи с получением известия об исходе Хемницкой конференции.

Несмотря на это, гамбургскую борьбу удалось прекратить в обстановке образцовой дисциплины. Уроки ее весьма ценны для партии и Коминтерна. В особенности следует заметить себе подлое поведение гамбургских главарей социал-демократии, поддерживавших военные мероприятия против восставших. Поведение их в данном случае есть лишь оборотная сторона медали, лицевую сторону которой украшает поведение Цейтнера и его «левых» в Саксонии.

Саксонский эпизод в значительной степени дискредитировал «левых» социал-демократов. Он показал, что они на деле являются слугами контр-революции. Гамбургское восстание весьма укрепило в германском пролетариате сознание своей силы и в самом Гамбурге нанесло тяжелый удар социал-демократии.

Германская Коммунистическая партия должна отдать себе ясный отчет в ошибках, совершенных в период саксонского опыта и в связи с гамбургским выступлением. Без этого правильная тактика партии в дальнейшем невозможна.

V. Роль социал-демократии и видоизменение тактики единого фронта в Германии.

Руководящие слои германской социал-демократии в настоящий момент представляют собой не что иное, как прикрытую социалистической маской фракцию германского фашизма. Они передали власть в стране представителям диктатуры капитала, чтобы спасти капитализм от пролетарской революции. Министр внутренних дел Зольман ввел осадное положение, министр юстиции Радбурх превратил «демократическую» конституцию в «особое положение», направленное против революционного пролетариата. Президент Эберт передал даже формально правительственную власть Секту; социал-демократическая фракция рейхстага покрывала все эти деяния, она голосовала за законы о чрезвычайных полномочиях, фактически отменявшие конституцию и передававшие всю власть белым генералам.

Вся международная социал-демократия постепенно превращается в верного оруженосца диктатуры капитала. Все эти Туратти и Модильяни в Италии, Сакызовы—в Болгарии, Пилсудские—в Польше и вожди социал-демократии типа Зеверинга в Германии принимают прямое участие в осуществлении власти диктатуры капитала.

В течение целых пяти лет германские социал-демократы всех оттенков постепенно скатывались по наклонной плоскости вниз, в лагерь контр-революции. Ныне этот процесс близок к своему завершению. Законным преемником «революционного» правительства Шейдемана-Гаазе является фашистский генерал Сект.

Правда, в лагере капиталистической диктатуры имеются свои оттенки. Могут обнаружиться даже такие противоречия, которые можно будет использовать в интересах классовой борьбы. Эберты, Секты и Людендорфы отличаются в оттенках, но, не взирая на наличие этих оттенков в лагере врага, германские коммунисты ни на минуту не должны забывать, что главное—это довести рабочий класс до отчетливого понимания того, в чем суть, до понимания того факта, что в борьбе между капиталом и трудом вожди социал-демократии на жизнь и смерть связаны с белыми генералами.

Эти вожди германской социал-демократии сегодня не впервые переходят на сторону капитала. По существу они всегда были на стороне классовых врагов пролетариата. Выпукло это обнаружилось перед массами лишь теперь, когда совершился переход от буржуазной демократии к диктатуре капитала.

Эти обстоятельства побуждают нас пересмотреть тактику единого фронта в Германии. Ничего общего с наемниками белой диктатуры—вот то, что уже ясно сознают все коммунисты в Германии и что они во всеуслышание должны сказать всему германскому пролетариату.

Но еще опаснее правых левые вожди социал-демократии: они—последняя иллюзия обманутых рабочих, они—последний фиговый листок для гнусной контрреволюционной политики Зеверинга, Носке и Эберта.

Германская Коммунистическая партия отказывается от каких бы то ни было переговоров не только с ЦК

социал-демократической партии, но и с «левыми» вождями, пока эти герои не найдут в себе достаточно мужества хотя бы для того, чтобы открыто порвать с контр-революционной бандой, засевшей в ЦК их партии.

Ныне лозунгом тактики единого фронта в Германии должно быть: «единство снизу».

Уже в первых тезисах Исполкома Коминтерна от декабря 1921 года говорилось:

«В противовес демократической игре вождей меньшевиков, русские большевики выдвинули лозунг «единства снизу», т.-е. единства самих рабочих масс в практической борьбе за революционные требования рабочих против капиталистов. Практика показала, что это был единственный правильный ответ. И в результате этой тактики, которая видоизменялась в зависимости от обстоятельств, времени и места, громадная часть лучших рабочих-меньшевиков постепенно была завоевана на сторону коммунизма».

Германская Коммунистическая партия должна научиться осуществлять лозунг единого фронта снизу.

В рядах еще остающихся под влиянием социал-демократии рабочих идет небывалое брожение. Они видят банкротство своих вождей и ищут новых путей. Нет, поэтому, никаких оснований отказываться от местных переговоров и соглашений с с.-д. рабочими всюду, где мы имеем дело с честными пролетариями, готовыми на деле доказать свою преданность революции.

Органы единого фронта: фабзавкомы, контрольные комиссии и комитеты действия должны быть так между собой связаны и взаимно переплетены в такую густую сеть, чтобы превратиться в конечном счете в централизованно-управляемый аппарат и в воплощение пролетарской борьбы за власть.

VI. Непосредственные задачи партии.

Коренная оценка положения в Германии, данная в сентябре Исполкомом Коминтерна, сохраняет в основном и сейчас свою силу. Характер начавшейся фазы борьбы, как и основная задача партии, остаются прежними. ГКП не должна снимать с порядка дня вопроса о вос-

стании и завоевании власти. Наоборот, этот вопрос должен стоять перед нами во всей своей конкретности и неотложности. Как бы велики ни были частичные победы германской контр-революции, они не разрешат ни одной проблемы кризиса капиталистической Германии.

Поэтому, в связи с опытом, накопленным в последние месяцы, перед ГКП встает ряд ближайших задач.

Партия должна организовать борьбу пролетариата против отмены 8-часового рабочего дня и лишения прав рабочего класса. Партия должна организационно и политически связать движение безработных с движением работающих и устранить огромную опасность раскола рабочего класса на голодающих безработных и на работающих, имеющих еще кусок хлеба; партия лучше всего сможет проделать эту работу, если она заранее подготовит предстоящую экономическую борьбу таким образом, чтобы последняя велась не только против снижения заработной платы, но чтобы она под лозунгом—«работу безработным», преследовала и политические цели.

Агитация партии должна довести до сознания широчайших масс то, что лишь диктатура пролетариата может принести спасение широким массам. Эта задача должна быть связана с задачей политического уничтожения социал-демократической партии, что требует создания органов единого фронта и ясной постановки целей во всех частичных боях.

Не ограничиваясь промышленным пролетариатом, партия должна охватить сельский пролетариат, служащих и чиновников, мелкое крестьянство, пролетаризированную мелкую буржуазию города. Ее старания должны быть направлены на то, чтобы превратить эти слои в союзников рабочего класса, подчиняющихся гегемонии революционных рабочих. Это будет осуществлено с помощью ясной недвусмысленной агитации, пропаганды экономической программы ГКП, борьбы против существующих еще остатков пацифистской ориентации на Запад путем выявления национальной роли германской

революции и значения союза Германской Советской республики с СССР, а равно и путем упорной организационной работы в контрольных комиссиях и аналогичных им органах революционного движения.

Рука об руку с агитацией должна итти внутрипартийная, а также и вокругпартийная организационная работа. ГКП должна быть не только хорошей партией агитации, но и хорошей боевой партией. Необходимо, поэтому, со всей настойчивостью осуществлять вооружение рабочих, техническую подготовку решающей борьбы. Красные сотни должны быть созданы на деле, а не только на бумаге и должны пользоваться в широких массах симпатиями, которые можно приобрести лишь в том случае, если ГКП будет активно руководить всей повседневной борьбой и всеми выступлениями пролетариата.

Только тогда, когда рабочая масса находит в красных сотнях защиту при демонстрациях и забастовках и во всех других столкновениях с буржуазными властями, сотни могут рассчитывать на то, что масса будет помогать им всей душой в вооружении, в обучении, в разведке сил противника.

Предпосылкой осуществления всех этих задач является серьезнейшее использование партией всего приобретенного опыта. Сюда относится искоренение малейших остатков демократических иллюзий в партии так же, как воззрений, что якобы социал-демократическая партия или находящиеся всецело под ее идеологическим и организационным влиянием группы, как таковые, могут вести революционную борьбу. Нужно внедрять в сознание членов, что до победы пролетарской революции ГКП является единственной партией восстания, партией разрушения капиталистического строя, и что во всех частичных боях ее работа тогда лишь будет революционной, когда она будет держать курс на подрыв государственного аппарата буржуазии и ни на минуту не будет упускать из виду задачи установления пролетарской диктатуры.

Коммунистическая партия — единственная революционная партия; она достаточно сильна, чтобы, борясь против всех остальных партий, подготовить и

осуществить победу пролетариата, — это должно сделаться твердым убеждением каждого члена партии.

Чтобы достичь такой ориентации партии, ГКП должна подвергать накопленный опыт открытому обсуждению партийной массы. Партия должна научиться вести дискуссии, не ослабляя своей боеспособности. В интересах сплочения всех своих сил, партия должна, несмотря на все затруднения, несмотря на нелегальность, добиваться ясности во всех спорных вопросах, заканчивая дискуссию на партийном с'езде.

Сохранение единства партии является абсолютным требованием Коммунистического Интернационала. Исполком Коминтерна призывает всех членов ГКП сделать все для того, чтобы вся партия, как цельная и сплоченная организация, ликвидировала на с'езде фракционную борьбу и добилась полной дееспособности.

Исполком Коминтерна обращает внимание всех членов ГКП и всех остальных секций Коминтерна на гигантские задачи нынешнего революционного кризиса. Исполком твердо убежден, что уроки последних месяцев не пропали даром и что, будучи серьезно учтены и использованы, они приблизят победу пролетариата.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

3.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. О международном положении *(доклад на XIII конференции Р.К.П. (б).* 3
2. Уроки германских событий и тактика единого фронта *(статья)* 39
3. Уроки германских событий *(резолюция ИККИ)*. . . 61

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес